

В. А. Каспина,
Н. Б. Берхин

* ЧТОБЫ ВЫРОС ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В. А. Каспина, Н. Б. Берхин

ЧТОБЫ ВЫРОС ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967

371 018

K28

6-4-3
284-67

Воспитанники Антона Семеновича Макаренко рассказывают: когда надо было дать нравственную оценку какому-нибудь хорошему или плохому поступку коммунара, критерием было: «А что, если так станут делать все?» Ты не убрал за собой рабочее место, не сдержал обещание, данное товарищу, прошел в грязной обуви по только что натертому полу, обидел малыша — забросил его игрушку. Как будто провинности не такие уж большие, ты никого не ударил, ничего не украл, не совершил подлости, но... если так станут делать все? Ты не сделал больно маленькому и не научил его плохому, а так — посмеялся, воспользовавшись его беззащитностью. Но если представить себе, что все станут безнаказанно обижать слабых и беззащитных? И твою сестренку, и доверчивого, простодушного Ваську из отряда малышей? Конечно, так никогда не будет, чтобы все вдруг ожесточились, потому что в общем «люди — хороший народ», как сказал поэт, в особенности наши, советские люди. Но если мы, педагоги и родители, будем считать неважной мелочью отзывчивость, сочувствие, дружеское расположение к людям, если доброту человеческую отнесем к второстепенным и незначительным добродетелям, не заслуживающим особого внимания и не требующим нашего специального педагогического воздействия, значит мы будем лепить заведомо ущербного человека.

А ведь на деле в процессе многообразной воспитательной работы, в своем повседневном общении с детьми как мало и как редко мы ставим перед собой эту простую и, безусловно, доступную каждому родителю и педагогу цель — сделать человека добрым, т. е. чутким, отзывчивым, доброжелательным, тактичным, умеющим сочувствовать и разделить горе и радость другого, всегда готовым помочь человеку, даже поступившись своими удобствами и интересами. Побывайте на классных собраниях, вечерах, пионерских сборах в школе. Что волнует больше всего педагогический коллектив, о чем печется пионерский актив, что является всюду предметом обсуждения? Повысить успеваемость... Чтобы на уроке была

сознательная дисциплина... Не меньше трех политинформаций в месяц... Перегнать 5-й «А» по сбору макулатуры... Все это дела, конечно, важные, но почему, когда в наших «образцовых» классах не выпускается вовремя газета — это «ЧП», а когда ложится надолго в больницу товарищ, с которым проучились несколько лет, это не только не «ЧП», а вообще дело его родителей, ну может, самых близких друзей, но никак не коллектива. Полкласса не явилось на уборку школьного двора. Это, конечно, очень плохо и вызывает справедливое негодование явившихся и репрессии со стороны педагогов. Ну, а когда полкласса изо дня в день издевается над хромой уборщицей? Над заикающимся учеником? Сплошь да рядом на это не обращают почти никакого внимания. Пожурят немного, и дело с концом.

А дома? Что беспокоит родителей? Чтобы вовремя пришел домой, чтобы не было в дневнике двоек, чтобы не носился как угорелый по комнате, чтобы слушался. Словом, как говорят англичане, чтобы детей было видно, но не было слышно. Ну а что думает, над чем размышляет сейчас ваш сын или дочь? Что заставляет его поступать так, а не иначе? Стареется ли он не шуметь в квартире, потому что привык считаться с другими, из любви к вам, или «чтоб не орала мать», или, может быть, потому, что просто уже не умеет сопротивляться чужой воле, так как своя подавлена постоянными «нельзя»? А его видимое благополучие в школе — двоек, слава богу, нет да и тройки редки — что за этим стоит? Прилежание или честолубие, любовь к знаниям или первые ростки карьеризма («к десятому надо тянуть на медаль»), желание доставить вам радость или тщеславие? Чувство ответственности перед коллективом или «дар божий» (все дается легко). Растет сын добрым и отзывчивым или черствым и равнодушным к чужому горю и радости? Все это обычно волнует родителей гораздо меньше, чем хорошие отметки и прилежание, тем более, что и разглядеть это трудней, а двойки и строптивость сами лезут в глаза. А ведь по сути это, внутреннее, и есть главное в человеке, то, чем определяются покой и радость людей. Из-за чего больше всего страдают люди в общении друг с другом? Как раз из-за черствости душевной, из-за грубости и жестокости, из-за невнимания и бестактности, словом, из-за всего того, что пряталось от нашего родительского и педагогического ока за мероприятиями в школе и послушанием дома, т. е. тогда, когда ой как много еще можно было сделать, чтобы добрей и душевней стал человек.

I. Такой ли он, действительно, уродился?

Но скажите, обязательно спросит кто-нибудь, разве все зависит только от нас — взрослых, воспитателей. Неужто совсем не имеет значения, каков он сам, ребенок, какие черты характера заложены в нем от рождения, самой природой? И почему, если все зависит только от воспитания, в одной семье, у одних родителей растут разные дети: грубый, эгоистичный старший сын — и мягкий отзывчивый младший, например? Или трудолюбивая, прилежная, уступчивая, добрая дочь и ленивый, несобранный, со вздорным характером и безразличным отношением к окружающим сын? Ответим сначала на первый вопрос — только ли от воспитания зависят душевные качества человека, т. е. только ли от того, что «вложено» в него родителями и учителями? Или есть что-то, свойственное самой природе ребенка, существует в нем от рождения и определяет его чувства, убеждения, поступки? А может быть, имеется еще какой-то третий фактор (кроме воспитания и природных особенностей), влияющий на формирование нравственных качеств?

Вопрос о том, какие черты личности можно и должно воспитывать, а какие предопределены природной индивидуальностью человека — важнейший вопрос в педагогике. Пожалуй, нет и не было ни одного выдающегося деятеля педагогической науки, который не задумывался бы над этой проблемой и не пытался бы как-то ее разрешить. И это не случайно, ибо от того или иного решения этого вопроса зависит характер и направление всей педагогической теории и практики. Больше того, этот вопрос имеет огромное политическое значение. Представим себе на минуту, что человек рождается с готовыми качествами, в том числе и моральными — добрым и чутким или жестоким и эгоистичным, трудолюбивым или ленивым, дисциплинированным или неоргани-

зованным, умным или глупым, способным или бесталанным. Во-первых, это сняло бы с учителей и родителей ответственность за воспитание подрастающего поколения и свело бы функции школы к сообщению знаний. Но этого мало.

Такая точка зрения всегда была выгодна правящим классам в эксплуататорском обществе, ибо отсюда напрашивался вывод, что униженное, бесправное, убогое положение в обществе одних при господстве, благополучии и процветании других объясняется не социальным неравенством, не несправедливостью данного общества, делящей всех на эксплуататоров и эксплуатируемых, а врожденной неполноценностью подчиняемых и нравственным превосходством подчиняющих. И потому издавна буржуазные ученые утверждали, что неравенство людей определено богом, заложено в самой природе человека и передается по наследству. И сын вора никогда не сможет стать честным человеком, а ребенок, родившийся в семье рабочего, больше всего приспособлен к тому, чтобы заниматься физическим трудом, в то время как потомкам государственных деятелей и ученых пристало продолжать дело их отцов — работать в области умственного труда. Тонны бумаги исписаны буржуазными учеными в доказательство умственной и нравственной ограниченности детей трудящихся. Противоположную точку зрения, отводящую решающую роль в формировании личности *воспитанию*, отстаивали выдающиеся прогрессивные русские и зарубежные ученые, демократы, педагоги. В наше советское время огромная преобразующая роль воспитания в нравственном развитии человека блестяще доказана теоретически и практически учением и деятельностью Антона Семеновича Макаренко.

В колонию Горького приходили ожесточенные, имеющие по несколько судимостей подростки. Были среди них и воры, и насильники над слабыми и беззащитными. Около трех тысяч человек прошло в общей сложности через колонию и коммуну имени Дзержинского, во главе которых стоял Макаренко, и все они, за очень небольшим исключением, уходили в жизнь хорошими, настоящими людьми. Честными. Гуманными. Преданными своей Родине и народу, прославившимися позднее на фронтах Отечественной войны. Кто были эти люди? Дети городские и деревенские, сыновья интеллигентных родителей и дочери уборщиц, выросшие в обеспеченных семьях и воспитанные в нужде, знавшие цену трудовой копейке. Что повернуло их развитие в сторону уродливых поступков, чувств, привычек? И что выправило затем? Ответ на это может быть только один: прежде всего воспитание. Уродливое воспитание дало уродливые плоды, правильное — вернуло человеческий облик. В «Книге для родителей», в «Лекциях о воспитании детей» Макаренко, анализируя жизненный уклад различных семей, поведение родителей и их

взаимоотношения с детьми, пропускает как бы через все это рентгеновские лучи, обнаруживающие где-то в глубине семейного очага язвы педагогических огрехов, часто совсем еще не ощущаемые членами семьи. Тут и родительская нетребовательность, и всепрощение, и непродуманные бесконечные запреты, и грубость; равнодушие к интересам подростка и подавление его воли; наша собственная небрежность и черствость к окружающим и многое, многое другое... В большинстве случаев, описанных Макаренко, он как бы напоминает: не упускайте время, вот ситуации, когда можно еще сравнительно безболезненно, без хирургического вмешательства что-то сделать, пока язва не превратилась в злокачественную опухоль, с которой гораздо трудней будет бороться. Советской педагогической наукой и практикой установлено: никакой наследственной первоосновы нравственных черт личности нет и не может быть.

Но если отвлечься от конкретных примеров, то, даже просто задумавшись над тем, что представляют собой нравственные качества человека, мы должны будем прийти к тому же выводу: черты морали формируются в человеке под влиянием воспитания и условий жизни. Ибо что такое доброта, честность, трудолюбие, патриотизм или жестокость, лицемерие, эгоизм, лень, безответственность? Ведь это черты личности, в которых, можно сказать, выражается отношение человека к окружающему миру. Значит, нравственное воспитание заключается в формировании у человека определенных отношений к окружающему миру — к людям, к труду, к своей стране, к своим обязанностям, к своему слову и т. д. Если же согласиться с этим, становится ясным, что нравственность не может быть заложена в самой природе человека, ибо наше отношение к чему-то может возникнуть только после того, как мы познакомились с данным явлением. И формирование того или иного отношения человека к окружающему миру зависит от того, каков он, этот мир, как воздействует он на ребенка, подростка, юношу, какие мысли, убеждения, чувства вызывает, по каким законам живет. А законы, в том числе и нравственные, у каждого мира свои, особые. Одинаковой морали для всех времен и народов не было, учил Ленин, и не могло быть. Каждое общество по-своему решало, «что такое хорошо и что такое плохо».

Уничтожение хилых детей считалось в Древней Спарте естественным явлением, моральной нормой. Дикостью и бесчеловечностью выглядит это в цивилизованном современном мире. Или другой пример. Сегодня нам даже трудно себе представить, что вход в любой городской парк в дореволюционной России украшала табличка: «Собакам и нижним чинам вход воспрещен», а в газете можно было прочесть объявление: «Продаются камни, годные под фундамент, и две дворовые

девки». То, что может вызвать у нас только негодование, было выражением официальной узаконенной морали, общепринятой, так сказать, нормой, характерной для общества, разделенного на унижающих и униженных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Но из того, что для каждого общества характерны свои нравственные законы, следует еще один, не менее важный вывод: мораль или нравственность человека определяется не только воспитанием, т. е. специальным воздействием на ребенка педагогов и родителей, но и влиянием окружающей среды. Под средой же имеется в виду, во-первых, общественный строй, характер которого всегда накладывает отпечаток на психологию человека, во-вторых, ближайшая, как иногда выражаются, среда — двор, улица, соседи, стиль жизни, традиции семьи, особенности различных коллективов, членами которых бывают дети, — школьного, классного, Дома пионеров, спортшколы и т. д.

Итак, воспитание и окружающая среда — вот два фактора, определяющие нравственный облик человека. Причем, если воспитание процесс планомерный, специально организуемый педагогами и родителями для привития молодежи определенных черт характера, то среда влияет в значительной мере стихийно, независимо от наших желаний, планов, намерений. Посмотрим, как конкретно происходит воздействие на ребенка того и другого фактора — среды и воспитания.

Первое осуществляется, в основном, людьми, для которых воспитание детей является их прямой обязанностью, — педагогами и родителями. При этом применяются самые разнообразные, выработанные мировой и советской педагогикой методы и средства воспитания: убеждение, поощрение, наказание и т. д. Представим себе, что речь идет о воспитании честности и правдивости. Дома родители, сами стараясь быть для детей образцом в этом отношении, разъясняют, внушают — *убеждают*: будь честным; в школе проводят беседы о честности; *поощряют* за то, например, что сам сознался в списывании на контрольной; *наказывают* за то, что вину за разбитую сахарницу свалил на младшего брата; *организуют упражнения в честности*: во время той же контрольной, например, учитель уходит из класса, выразив перед тем уверенность, что ребята не воспользуются его отсутствием и не станут списывать и т. д.

Все эти и десятки других самых разнообразных приемов специально используются в семье и школе для одной цели — воспитать честного человека. Но наряду с этим, независимо от воли воспитателей, на ребенка падает масса других влияний, семейных и внешних, которые могут помогать или, наоборот, мешать, препятствовать воспитанию честности и правдивости.

Воспитание добропорядочности в буржуазной семье при-

ходит в столкновение с официальной моралью капиталистического общества и чаще всего не выдерживает конкуренции с ними. Та же самая участь постигает в этом обществе и усилия тех школьных учителей, которые ставят перед собой цель воспитать из своих учеников честных людей. «Мы живем в мире, в котором мораль не выдерживает испытания правдой,— пишет английский писатель Джеймс Олдридж.— Мораль западного мира в наши дни безнадежно запуталась в противоречиях нашего социального существования и христианской основой нашего воспитания, утверждающей, что человек не должен быть алчным, эгоистичным, жестоким».

В нашем, социалистическом, обществе, социально справедливом, влияние общественной среды не только не противоречит в своей основе воспитанию высоких моральных устоев, но и помогает осуществлению этой задачи. «Если бы мне понадобилось подвергнуть критике тот или иной аспект жизни в социалистическом обществе,— замечает в той же статье Олдридж,— то я, конечно, мог бы найти для этого ту или иную мишень, но эта критика не затронула бы основы вашего общества, ибо эта основа, не в пример западному обществу, выше критики, она высокоморальна».

Что значит «высокоморальная основа общества»? Это значит, что общие принципы нашего государства, осуществляясь на деле, обеспечивают высокоморальное влияние общественной среды в самом широком смысле слова. Например.

Длительная, настойчивая поддержка нашей страной героической борьбы вьетнамского народа против американской агрессии — это защита подлинно человеческих прав и, следовательно, акт высокоморальный. А вот пример из внутренней политики нашего государства. В обстановке страшной разрухи, ужасающей бедности молодой Советской республики, о безвыходном положении которой кричали все буржуазные газеты, 2 августа 1918 года Владимир Ильич Ленин подписывает декрет, в котором все высшее образование объявляется бесплатным, а «внесенная уже за первое полугодие 1918/19 учебного года плата подлежит возвращению». Чтобы оценить во всей полноте этот документ, стоит вспомнить, что до сих пор в богатейшей капиталистической стране — Соединенных Штатах Америки все высшее образование является платным и что большая часть хороших средних школ тоже платные. Кроме того, фактически за обучение детей во всех средних школах взимается большая или меньшая плата с населения в завуалированном виде. Во-первых, во всех штатах существует так называемый школьный налог — взносы с населения на содержание школ. Во-вторых, во многих школах дети платят за пользование библиотекой, раздевалкой, за участие в некоторых внеклассных мероприятиях и т. д. Мировая история просвещения не знает более гуманного и

прогрессивного акта, чем ленинский декрет о бесплатном образовании в самое тяжелое, критическое, можно сказать, для нашей страны время. И факт появления этого декрета — также выражение глубокой человечности принципов нашего государства, той высокой моральной основы его, о которой пишет сейчас, через 50 лет, английский писатель.

Можно вспомнить еще один замечательный факт. Знаменитое письмо Дзержинского чекистам заканчивается удивительными, даже непонятными как будто словами: «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции». Какая, кажется, может быть связь между уничтожением контрреволюции и спасением беспризорных детей — именно о них, о детях, оставшихся без крова и родителей, больше всего, как известно, заботился Феликс Эдмундович. А связь очень глубокая. Если гуманизм нашего общества является характерной чертой его, воплощением в жизнь государственных принципов, значит, борьба за людей, вышвырнутых из жизни жестокостью враждебного капиталистического мира, есть борьба за новое государство, за его демократические идеалы. Борьба такая же беззаветная, как и истребление классовых врагов нашей страны, которые, ненавидя Советское государство и стремясь стереть его с лица земли, множили ряды обездоленных, осиротевших детей. И забота о детях оборачивалась, таким образом, беспощадным истреблением контрреволюционеров, а также спекулянтов, расхитителей народного добра, взяточников, от которых прежде всего страдали дети как самые беззащитные и неприспособленные к жизни. Думается, это и имел в виду Дзержинский, когда закончил свое письмо чекистам удивительными и прекрасными словами: «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции».

Высокие моральные принципы нашего государства и прежде всего его гуманизм не означают, как это правильно заметил Олдридж, что у нас исключаются отрицательные влияния среды. И воспитателям — учителям и родителям, эти влияния приходится не только учитывать, но и бороться с ними. Бороться двумя путями: формируя стойкие *положительные* убеждения, чувства, привычки в детях и, с другой — *воздействуя непосредственно на ту среду*, которая является источником отрицательных влияний, с целью ее преобразования, улучшения. Например, ваш сын с детства не слышал в доме резкого слова, раздраженного окрика, сварливого тона. Приветливым, постоянно доброжелательным вашим отношением к нему вам удалось воспитать в нем доброту, чуткость, отзывчивость к людям. Но когда во дворе собираются его друзья-подростки, вы то и дело слышите, как затеваются ссоры с взаимными грубостями и драки из-за пустяка, как покрикивают ребята на малышей, задевают и обижают их,

Голос сына слышен реже, чем остальных, иногда он даже вступает за обиженных: сказывается полученное дома воспитание. Но все-таки... Все-таки вы чувствуете, как происходит в нем какая-то коррозия добрых чувств. Дома добр, внимателен, чуток. К родителям, к младшему братишке, к соседскому малышу. А сейчас, во дворе, рядом со своими товарищами он другой. И не стоит утешать себя, что это возрастное, пройдет. Возрастное или показное, но могущее стать привычкой, нормой поведения, если с этим не бороться.

Что делать? Оградить от дурного влияния — «не связывайся с испорченными мальчиками»? Но хорошо известно, что сие родительское требование очень редко выполняется. Запретить подростку бывать со своими сверстниками, которые играют, возятся тут же во дворе, невозможно и, главное, не нужно. Не нужно потому, что человек рано или поздно обязательно столкнется с дурными влияниями, и надо не ограждать его от них, а помочь выработать сопротивляемость им. В данном же случае было бы хорошо не только усилить, допустим, свое воздействие на сына, стараясь воспитать в нем большую стойкость и активность в добрых чувствах, но и попытаться также повлиять непосредственно на источник дурного влияния — на его товарищей с их грубостью, черствостью, жестокостью. Как? Способов очень много, назовем несколько.

Если это дети младшего школьного возраста, можно предложить им новую интересную игру, такую, которая не давала бы повода для ссор. С подростками хорошо пойти на лыжах, в поход, в музей, в театр, разбудив какие-то новые интересы, постоянно в то же время показывая им пример уважительного, приветливого, предупредительного отношения к людям, в том числе и к ним самим, а в особенности к слабым — малышам, пожилым. Пригласить к себе домой в какой-нибудь субботний, допустим, вечер, когда вся семья в сборе, дать им почувствовать уют теплых, дружеских отношений между людьми. Побеседовать как-нибудь с ребятами между делом о том, как важно в жизни уметь владеть своими чувствами, быть сдержанным и корректным, а также о том, что настоящий мужчина — это всегда защитник слабых. И, наверное, стоит побывать в их семьях, познакомиться поближе с родителями, постараться сделать их своими союзниками.

Имея в виду громадное значение, которое оказывает среда на формирование человеческой личности, Макаренко говорил, что морально дефективных детей нет, есть дети, попавшие в дефективные условия жизни.

Этот вывод, как и вся практическая и теоретическая деятельность А. С. Макаренко, начисто перечеркивает теории о врожденной моральной неполноценности одних и нравственном превосходстве других. И не случайно Алексей Максимо-

вич Горький писал Макаренко: «Эксперимент ваш имеет, на мой взгляд, мировое значение».

Стоит напомнить, что в колонию имени Горького, как правило, попадали подростки не моложе 14 лет, чаще 14—16-летние, так что перевоспитание их начиналось достаточно поздно, и тем не менее при формировании личности победили именно те нравственные нормы, которые прививались им в колонии. И на всю жизнь определили их моральный облик. Это особенно полезно вспомнить не только тем родителям, которые считают, что «такой уж у них сын уродился», но и тем, кто, неожиданно обнаружив у 12-летнего мальчика «трудный характер», опускает в отчаянии руки: «Упустили парня, теперь уж ничего не поделаешь!»

Ну хорошо, подумает читатель, пусть воспитание и среда это главное, от чего зависит нравственный облик человека, но неужели совсем никакого значения не имеют здесь природные данные его, то, с чем человек рождается? Повторяем: добрыми или злыми, честными или лживыми, высокоморальными или безнравственными, трудолюбивыми или бездельниками, индивидуалистами или общественниками люди не рождаются, а становятся. И именно поэтому нравственные чувства, убеждения, привычки меняются, и часто очень резко, как мы видели, на протяжении всей жизни человека. Но здесь надо сделать одну оговорку. Все наши чувства, действия, привычки регулирует нервная система, строение которой очень индивидуально и связано с врожденными задатками человеческого организма. А от особенностей нервной системы зависит в какой-то мере характер человека — будет ли он, например, ровным, спокойным, медлительным, или порывистым, вспыльчивым, нетерпимым, неуравновешенным. Индивидуальные качества нервной системы отразятся таким образом на формировании личности, но не в том смысле, что они определяют те или иные черты, хорошие или плохие, но эти особенности неминуемо повлияют на то, как будут проявляться у данного человека свойственные ему нравственные качества.

Два человека, например, одинаково нетерпимо относятся ко лжи, очковитирательству, лицемерию. Но один, уличив в этом кого-то, открыто бросит ему в лицо свой гнев и возмущение, крикнет, что он знает его не желает, даже ударит, может быть, не сдержавшись. А другой обольет лицемера холодным презрением и уйдет, не подав руки и не удостоив его ни одним словом. Разный темперамент — различная внешняя реакция при одинаковой внутренней нравственной оценке факта.

Конечно, кроме особенностей нервной системы здесь может играть роль и воспитанное в человеке умение владеть собой. Но и особенности темперамента тоже, безусловно, называются. Больше того, повышенная чувствительность нерв-

ной системы, слишком бурная реакция ее на внешние раздражители, неуравновешенность эмоций порой сильно вредят человеку, формируя трудный характер и заслоняя в глазах окружающих его добрые стремления и чувства.

Была в колонии имени Горького хорошая в общем девочка Маруся Левченко. С теплотой и симпатией пишет о ней Макаренко в «Педагогической поэме». Но в то же время, мы помним, «она принесла в колонию невыносимо вздорный характер, крикливую истеричность, подозрительность и плаксивость. С пьяной бесшабашностью и большим размахом она могла в течение одной минуты вдребезги разнести самые лучшие вещи: дружбу, удачу, хороший день, тихий, ясный вечер, лучшие мечты и самые радужные надежды. Было много случаев, когда казалось, что остается только одно: брать ведрами холодную воду и безжалостно поливать это невыносимое существо, вечно горящее глупым, бестолковым пожаром».

Такой характер Маруси объяснялся, конечно, не только темпераментом, но и тем, что до колонии ее потрепала бездомная горькая жизнь, уличная среда в самом тяжелом смысле этого слова. Но в то же время среди других воспитанниц колонии с таким же трудным прошлым именно она выделялась порывистостью, упрямством, неуравновешенностью, что, конечно, во многом объяснялось особенностями ее нервной системы.

Подведем итоги. Свойства личности — это, как говорил Павлов, «сплав врожденного и приобретенного», где главную, ведущую роль играет воспитание, затем — влияния среды и, наконец, особенности организма данного человека. Причем, что касается нравственных черт, то врожденные задатки могут здесь влиять лишь на внешнее проявление их, но не играют роли в формировании самих этих качеств.

Но решить вопрос о происхождении нравственных качеств, понять, как они формируются, еще не значит хорошо разобраться в самих этих качествах. Попробуем сделать это.

II. Что же главное?

Итак, что конкретно вкладываем мы в понятия «добрый», «честный», «скромный», «совестливый», «чуткий», «эгоистичный», «жестокый», «скупой» и т. п.? Что имеется в виду, когда мы говорим об этих качествах? Поступки? (Ваш сын с радостью делится всем с товарищем, заботится о заболевшей бабушке, выхаживает подбитую птицу.) Убеждения? (Дети знают, что надо быть добрым, отзывчивым, внимательным, или, наоборот, их

убедили, что следует думать только о себе). Чувства? (Ребенок плачет, когда бьют животное, проявляет удовольствие, доставляя радость другому, или смеется над беспомощностью слабого, равнодушен к просьбе о помощи.) Наверное, все согласится с тем, что важно все: и убеждения, и поступки, и чувства; что доброта, например, это и добрые дела, и добрые порывы, и уверенность, что быть добрым необходимо. А иному читателю наш вопрос покажется даже праздным. Какие же могут быть добрые поступки без добрых чувств? Или без нашего убеждения, что следует поступать именно так, а не иначе? Разве не чувства и убеждения движут нашими поступками? На первый взгляд так оно и есть. В действительности же все бывает сложнее. Достаточно сказать, что иногда чувства и убеждения не только не соответствуют поведению человека, но даже противоречат ему.

Ученик восьмого класса вывел себе в дневнике несколько пятерок, подделав подпись учителя. Пошел на явный обман. Но можно ли на основании этого сделать безапелляционный вывод о его лживости, бессовестности, о полном отсутствии у него чувства ответственности за свои поступки? Далеко не всегда. Если им руководило при этом тщеславие или стремление получить обещанную за пятерки награду, можно, пожалуй, согласиться, что поступок отвратительный, что моральные убеждения подростка заставляют желать много лучшего. Но это могло быть также мальчишеским протестом против упорного нежелания «училки» заметить и оценить его старания по математике. Иногда, выставив в начале года несколько троек ученику, не очень наблюдательный учитель и в дальнейшем продолжает не доверять его знаниям и невольно занижает ему отметки. А может, к тому же, парню хотелось порадовать больную мать, и этот некрасивый, нечестный поступок объяснялся не такими уж нехорошими намерениями и чувствами.

А когда ваш сын, добрый, отзывчивый мальчик, не вступает за обиженных малышей, разве это говорит об его черствости и безразличии к людям, хотя внешне он кажется равнодушным? Можно ли по его поведению в эту минуту сделать безошибочный вывод о его моральных чувствах, о том, что он сейчас думает, что его волнует? Скорее всего, ему жаль малышей, и он рад бы вступить, и удерживает его не боязнь даже чьих-то кулаков, а отсутствие решительности, твердости, нежелание пойти против товарищей, опасение оказаться в моральном одиночестве.

То же самое бывает, когда хорошие и отнюдь не трусливые подростки покрывают в школе явный обман, хулиганство, издевательства своих одноклассников над слабыми. Убеждения, честность, личная смелость этих ребят приходят в столкновение с отсутствием у них смелости общественной,

И происходит как бы торможение хороших, добрых поступков, хотя здесь налицо и сознание того, что происходящее плохо, и внутреннее чувство неодобрения. Другими словами, в данном случае убеждения и чувства противоречат поступку, имеет место разрыв между сознанием и чувством, с одной стороны, и поведением — с другой.

Как же предупредить этот разрыв? Во-первых, очевидно, укрепляя убеждения, и, во-вторых, что очень важно, углубляя, усиливая нравственные чувства. Человеческая индивидуальность, подчеркивал К. Д. Ушинский, выражается прежде всего через чувства. «Ничто — ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования. В них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя. В мыслях наших мы можем себя обманывать, но чувствования наши скажут нам, что мы такое: не то, чем мы хотели бы быть, но то, что мы такое на самом деле».

Хочется заметить, что вообще в основе процесса воспитания лежит живое чувство ребенка. С ним связано формирование любой нравственной черты человека. Одних убеждений, т. е. одного сознания, здесь всегда мало. Нельзя, например, воспитать доброго или честного человека на одном только убеждении, что надо быть добрым и честным, т. е. ограничившись лишь тем, что ребенок поверит: эти качества полезны и необходимы. Надо обязательно научить испытывать добрые чувства — сочувствие, жалость, отзывчивость, так же как чувства, связанные с понятием «честность» (непримиримость к обману, восхищение кристальной честностью, щепельность и стойкость).

Особенно большое значение имеет воспитание чувств в младшем возрасте, когда убеждения, т. е. твердые, осознанные взгляды на окружающий мир, еще не сформированы и отношение ребенка к этому миру определяется, в значительной мере, его непосредственным чувством. Думается даже, что перевоспитание в нашем обществе — это больше всего борьба с дурными чувствами и с дурными привычками. Во всяком случае, больше с этим, чем с неправильными убеждениями. И в особенности это характерно для детей, хотя и не только для них. Начиная с того, что именуется в школе нарушением дисциплины, и кончая уголовно наказуемыми действиями — все это чаще всего совершается людьми не в силу их убеждений, что именно так и надо жить, а под давлением отрицательных чувств и привычек. «Знал, что нельзя так, да не смог совладать со своими чувствами», — говорит взрослый на скамье подсудимых. «А я не нарочно, я просто забылся», — оправдывается пятиклассник, вырезавший на парте свои инициалы.

Конечно, очень важны и убеждения, которые являются своеобразным компасом поведения человека, проверяющим, подкрепляющим или сдерживающим наши сердечные порывы и влечения — чувства. Это так. Но иногда и учителя и родители бессознательно стремятся воспитать ребят на одном убеждении: так делать нельзя, а вот так можно и нужно, т. е. требуют, чтоб дети руководствовались в поступках только сознанием, что можно и чего не следует делать. Нельзя ограничиваться сообщением детям норм и правил поведения и не стараться разбудить в связи с этим живое чувство ребенка, вызвать интерес, радость, гордость, желание поступать так, как вы ему говорите. И здесь происходит часто страшная вещь. Если, обучая, мы даем детям то, с чем они еще совсем незнакомы, то, воспитывая, стараясь формировать те или иные качества, мы неминуемо насаждаем это на имеющиеся уже у детей нравственные представления, взгляды, чувства, привычки. Другими словами говоря, в школу ребенок приходит необученный, но обязательно уже воспитанный — больше или меньше, правильно или неправильно, плохо или хорошо, но воспитанный, даже самый маленький — первоклассник. И преподанные нами без опоры на живое чувство нормы и правила поведения оказываются бессильными перед теми представлениями о жизни, привычками, которые учащиеся уже вобрали в себя, перед чувствами, которые ими уже владеют. В результате ученик усваивает то, что мы пытаемся внушить ему, формально.

А что значит формально усвоить нравственные нормы? Это значит бездумно затвердить хорошие призывы, выучить добросовестно моральный кодекс, привыкнув цитировать его при случае, не задумываясь над тем, что это должно иметь отношение к собственной жизни, с которой часто расходятся положения этого кодекса. А бывает еще хуже: человек понимает, что его поступки не отвечают нравственным требованиям, которые к нему предъявляет общество, но, считая, что так, как он живет, жить легче и проще, начинает сознательно скрывать свои истинные чувства и поступки за звонкой, ходовой, «высокой» фразой. Одним словом, когда нравственное воспитание основывается только на передаче знаний о том, что хорошо и что плохо, когда не добиваются, чтоб эти знания были согреты и подкреплены соответствующими нравственными чувствами, воспитываются либо попугаи, либо лицемеры.

Но допустим, нам удалось воспитать в детях твердые убеждения, соответствующие им глубокие, сильные нравственные чувства. Можем ли мы теперь быть уверены, что наши дети хорошо или даже образцово воспитаны? Что содружество убеждений и чувств гарантирует правильную высокоморальную линию поведения? Стойкая моральная привычка —

вот что еще, оказывается, требуется для того, чтобы мы с чистой совестью могли сказать: «Да, нам удалось добиться хороших результатов в воспитании, потому что выработана устойчивая потребность поступать так, а не иначе». Воспитание, не обеспечивающее формирование привычек правильного поведения, не может считаться полноценным воспитанием, так как в жизни, «взрослой» и школьной, есть немало примеров того, как отсутствие правильных моральных привычек не дает сработать хорошим убеждениям и чувствам, нивелирует их значение. Вот один из них.

...Весна. С удовольствием подставляя лицо теплему ветру, вы идете по ожившей от зимнего оцепенения улице, наполненной веселым воробьином гомоном, подобревшим солнцем и деловитым журчаньем ручейков, подтачивающих последние сугробы снега. Но ваше весеннее настроение неожиданно омрачается: за углом нового дома двое парней безжалостно теребят молодое деревце. Уже валяются на земле хрупкие веточки с только что лопнувшими почками, да и все деревце выглядит так, будто жить ему осталось совсем немного. Вы с возмущением бросаетесь к парням, стыдите их, грозите, гоните со двора. Но отойдя, видите, что они снова вернулись к своему жестокому занятию. Что делать? Вообще говоря, выход найти можно. Вы можете остановить проходящих мимо мужчин и попросить их воздействовать на хулиганов, можете, наконец, постучаться в любую квартиру дома, во дворе которого это происходит, и призвать жильцов на защиту ими же посаженных, очевидно, деревьев. Но... первый взрыв возмущения прошел, и вам не очень хочется поднимать шум, тратить на это силы, нервы, время. Да и поможет ли? Уйдут, а потом снова вернуться? И хотя вы сами чувствуете коварную неискренность и неубедительность этих своих доводов и совесть ваша еще неспокойна, вы, погрозив (больше для собственного успокоения) хулиганам пальцем и стараясь не глядеть туда, где разыгрываются события, идете поспешно прочь.

Почему так получается? Почему мы сами тормозим наши добрые чувства, глушим хорошие порывы, не давая проявиться твердым как будто убеждениям? Ведь это же по сути самое главное, срабатывают ли наши пусть самые правильные, самые высокие убеждения, самые высокие и искренние чувства. Что мешает нам довести до конца начатое доброе дело? Очевидно, все то же — отсутствие привычки, в данном случае — привычки активно вмешиваться в жизнь, быть непримиримым в борьбе со злом. Вы не привыкли (или не очень привыкли) вмешиваться в то, что вас лично не касается, и, поворчав немного, вы проходите мимо отвратительного поступка.

Отсюда вывод: мало воспитывать правильные взгляды и добрые чувства; надо повседневно, настойчиво приучать де-

тей к правильным, добрым, нужным людям и обществу поступкам, действиям, поведению. Приучать в семье и в школе, в квартире, во дворе и на улице, в переполненном трамвае и на пожаре, приучать своих и чужих, знакомых и незнакомых, приучать всегда — ночью и днем, в мороз и в проливной дождь, торопиться ли вы на работу или опаздываете в театр, на курорте вы или при исполнении служебных обязанностей. Приучать всеми способами, но прежде всего — своей жизнью, своими поступками, собственным примером.

Итак, правильно воспитать — это значит сформировать в ребенке и правильные взгляды, и добрые чувства, и устойчивые привычки. И если хоть один из этих «компонентов» отсутствует, значит воспитание будет недостаточно эффективным: значит, если принципиальность, то на словах; доброта — только для «своих».

III. Сентиментальность или необходимость?

Впрочем, подождите. Может, мы вообще зря затеяли этот разговор? Может быть, в наш цивилизованный век, требующий от человека колоссального напряжения всех его физических и душевных сил и заставляющий часто руководствоваться в жизни исключительно соображениями рациональности, вообще не нужны все эти сентиментальности: доброта, сочувствие, а тем более жалость, совесть, сострадание? Не попадает ли от всего этого чем-то давно ушедшим, не в одном ли это ряду с такими выходящими из употребления понятиями, как филантропия, благотворительность, встречающимися сейчас больше всего под рубрикой «юмор и сатира»? Не маячат ли за призывами к жалости и состраданию тени вечно страдающих, экзальтированно восторженных героев Чарской или лицемерные уговоры священнослужителей: «Возлюби ближнего своего»? Вспомните, могут сказать, биографии великих людей. Никто из них не был добреньким, жалостливым. Все это были люди твердые и решительные, принципиальные и непреклонные, а многие из них суровые и резкие. И именно эти черты помогли им стать великими. Ну что ж, биографии великих людей — аргумент, действительно, довольно убедительный. Последуем же совету нашего, пока воображаемого, а вообще вполне возможного оппонента и обратимся к страницам из дорогих нам жизней.

...Лучшее, что нам пришлось читать о Марксе для детей, — это книга Корн В. и Корн И. «Мавр и лондонские грачи». И сколько страниц ее посвящено душевной мягкости, чутко-

сти и доброте Маркса, сколько жалости к простым труженникам стояло за каждым его словом и поступком!

Вспомним Ленина. Он никогда не был и не мог быть добреньким, всепрощающим и безобидно благожелательным ко всем. Он действительно был нестигаемым, твердым, решительным и даже резким там, где этого требовали интересы революции, интересы миллионов обездоленных, задавленных горем и голодом людей, и он не мог быть другим именно потому, что был добр и страдал вместе с этими миллионами, жалея их огромной человеческой жалостью. И его сердечность, отзывчивость, доброжелательность и чуткость широко известны.

А Дзержинский, с его трогательной любовью к детям и самоотверженной заботой об обездоленных и осиротевших ребятах?

...Все друзья и близкие Аркадия Гайдара рассказывают, что делать добро людям было постоянной потребностью его, характерной особенностью его отношения к окружающим.

Немало написано о суровости Антона Семеновича Макаренко, о его твердости и непреклонности, даже о «стальном холоде его глаз». И все это не было неправдой. Его жена и соратник Галина Стахивна Макаренко говорила: «Иногда, в минуты сильного гнева или презрения, лицо его становилось настолько жестким и непроницаемым, что мне казалось: я слышу, как опускаются шторы из гофрированного железа». Очень ясно и точно свою строгость и суровость объяснял сам Макаренко в предисловии к автобиографиям колонистов, которые они послали Алексею Максимовичу Горькому. «Наши жизни — Горькому» — так называли ребята этот свой подарок великому писателю. «Когда я печатал сотую биографию, — пишет Макаренко, — я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-либо читать. Это концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами... Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым... А те, кто дает себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем».

Но строгость и суровая требовательность несколько не исключали огромную человеческую теплоту, которую ощущали все воспитанники Антона Семеновича. «Мы, его дети, —

рассказывает Наталья Чудная, народный судья в Харькове,— росшие под одной крышей с ним, знавшие его как никто другой, знали, всеми своими сердцами ощущали, безграничную мягкость его и доброту». И недаром существует поговорка: «Суровые уста чудесно улыбаются». Бывшая воспитанница Макаренко Анна Красникова пишет в своих воспоминаниях: «Я без слез не могу вспоминать, как мы, девочки, иной раз, проснувшись утром, находили у себя под подушкой... конфеты!.. До коммуны жизнь нас не очень-то баловала сладостями. Вкус конфет многие из нас узнали только лишь в коммуне. Как они сюда попадали? Кто их клал, кто заботился о том, чтобы дети, лишенные обычных семейных сюрпризов, имели свои радости, свои незабываемые минуты восторга? Ну конечно же Антон Семенович!»

Эту материнскую нежность Макаренко к своим воспитанникам, кроющуюся за внешней суровостью, подметил когда-то Горький. «У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, погладить по стриженной головке»,— писал Алексей Максимович после посещения колонии.

Много лет назад на Севастопольском вокзале, беспокоясь о коммунарах, которые должны были приехать с опаздывающим неизвестно почему поездом, Макаренко произнес удивительные для сурового и сдержанного человека слова: «Если с ними что-нибудь случится, я после этого жить не смогу».

Когда говорят о ком-то «любит детей», нам обычно представляется человек мягкий, умеющий и любящий забавлять ребятишек, терпеливо относиться к ребячьим капризам, прощать им многие шалости. И, наверное, среди тех, кто любит детей, немало таких — снисходительных, мягких, либеральных. Но иногда именно любовь и доброта требуют суровости, как это было у Макаренко, хотя сила любви его к своим воспитанникам была поистине удивительной.

Интересен следующий факт. Уже не из воспоминаний. В своем открытом письме критику Ф. Левину, упрекавшему Макаренко, что во «Флагах на башнях» он изобразил «неестественно-сладкое счастье», Антон Семенович пишет: «Я не принимаю Вашего упрека в том, что в моей повести много красивых. Я такими вижу детей — это мое право. Почему Вы не упрекаете Льва Толстого, что у него так много красивых в «Войне и мире»? Он любил свой класс,— я люблю мое общество,— многие люди кажутся мне красивыми. Докажите, что я ошибаюсь». Как для матери где-то в глубине души ее сын самый лучший, так для Макаренко дети всегда представлялись лучшей, красивейшей частью того общества, которое он любил. И об этом говорят не только вышеприведенные строки из его письма. «Милый, прелестный Задоров»,

«чистая, улыбающаяся мордочка Васьки Алексеева», «святая печаль огромных глаз Марка Шейнгауза» — такими можно видеть людей только очень добрыми, любящими глазами, такими встают перед нами в «Педагогической поэме» воспитанники Макаренко.

Но почему же все-таки в наше время жалость, сострадание, доброта часто внушают недоверие и подозрение? Мы думаем, что это объясняется, во-первых, тем, что в горькие годы беспросветной нужды и страданий трудящихся лицемерная жалость и грошовая филантропия их хозяев достаточно скомпрометировали себя. Сострадание сильного к слабым, унижающего к унижаемым всегда выглядело фальшивым и подозрительным и еще больше унижало человека. Доброта сытого и благополучного к ограбленному им нищему, которого он ссужает куском черного хлеба или медной монетой, была насмешкой и издевательством и именно так и воспринималась передовыми рабочими. Что же касается отсталой части народа, то милосердие и жалость добреньких угнетателей заслоняли от нее истинное положение человека в капиталистическом обществе и мешали революционной борьбе. И постепенно доброте перестали доверять. В жалости видели унижение, в сострадании — лицемерие. И хотя давно минули времена и исчезли обстоятельства, породившие такое отношение к добрым чувствам, традиционное подозрительное и опасливое отношение к ним осталось. В наше же время оно поддерживается в какой-то степени теми, кто считает: в мире существует еще много зла, и больше всего — социального, а в нашей среде еще есть социально опасные люди, для борьбы с которыми нужна железная воля и жестокость. Мягкотелость, либерализм, сентиментальность могут только мешать здесь. И с этим, действительно, трудно спорить. Но кто сказал, что доброта к тем, кто рядом с тобой живет, работает, дышит, должна оборачиваться мягкотелостью к нашим врагам? Почему сострадание к хорошему человеку — больному, горяющему, одинокому — должно обязательно повлечь за собой либеральное отношение к людям, которые несут другим зло? Наоборот, по-настоящему добрый человек будет особенно активен и даже беспощаден в борьбе с жестокостью. Такой была беспощадность Дзержинского. Беспощадность Макаренко. Беспощадность Ленина: «Он к товарищу милел людскою лаской, он к врагу вставал железа тверже». Недоверчивое отношение людей к добрым чувствам объясняется еще и тем, что мы росли в суровое время — революция, гражданская война, голод, разруха — и через какие-нибудь 15 лет — снова война, снова разруха и трудные годы восстановления сожженного и разрушенного. В нашей напряженной многолетней борьбе со всеми темными силами мы порой становились жесткими, суровыми и суховатыми.

Отказаться от добрых чувств — значит, сделать свою жизнь и жизнь близких тебе людей бесцветной и одинокой, обеднить себя и других. В нашей стране, где нет причин для социального антагонизма, доброта, участие, сочувствие, отзывчивость должны стать нашими постоянными спутниками в жизни,

IV. Для домашнего употребления

Бесценное человеческое качество доброта, исцелитель больных, утешитель в горе, друг в радости. Удивительно прекрасной стала бы жизнь, если бы во всех наших детях удалось воспитать гуманность, человечность, сочувствие, жалость к слабым и беспомощным, постоянную доброжелательность к окружающим и отзывчивость, готовность отдать свое для другого, предупредительность и мягкость, словом, все то, что стоит за коротким словом — доброта. Если бы удалось... Но почему же это далеко не всегда удается? И что ожесточает маленького человека? Откуда это неожиданное равнодушие к людям, тяжело ранящее вдруг родительское сердце, или, еще хуже, безжалостность, беспощадность к ревущему ли малышу, к загнанной собаке или к измученному котенку, беспощадность, которую мы наблюдаем с ужасом и недоумением?

Очень грустно признавать это, но от правды, как говорится, не уйдешь: чаще всего черствость идет все-таки от дома, от семьи, от тех самых родителей, которые потом требуют от педагогов категорического и безошибочного ответа: откуда у их сына такое ожесточение, почему он такой недобрый, безразличный к людям?

Нам хочется всех пап и мам разделить условно на четыре группы. Первая — это те, для которых бесспорно, что их сын или дочь должны быть добрыми, отзывчивыми людьми ко всем — к своим и к чужим, к маме и бабушке, к соседке, к товарищу, к прохожему. Это те папы и мамы, которые не на словах, а на деле всей своей жизнью, собственным примером, отношением к самым разным людям учат своих детей делать добро. Об этих родителях можно с уверенностью сказать: их дети будут добрыми людьми.

Вторую категорию пап и мам заботит только одно: чтобы дети были добры и внимательны к ним самим. Что же касается отношения детей ко всем тем, кто находится за порогом их домашнего уюта, этому либо не придается значения, либо, что еще хуже, возводятся в жизненный принцип правила типа «всех не накормишь», и детям внушают, что доб-

рым надо быть только к своим, а заботиться о ком-то, тем более делиться чем-то с чужими, или, упаси бог, жертвовать для них своими интересами, выгодой, удобствами глупо и смешно.

Третья группа — это родители, одержимые слепой любовью к детям и пекущиеся только об их благе, понимаемом как богатырское здоровье и умение «устраиваться в жизни». Доброта, отзывчивость являются в представлении таких людей сентиментальным довеском, так сказать, бесплатным приложением к вышеуказанным необходимым качествам, принудительным ассортиментом, которым иногда, впрочем, есть смысл похвалиться, продемонстрировать его в сложных жизненных ситуациях, отвечая на требования конъюнктуры. Две последние группы семей очень похожи. Различие здесь чисто внешнее, результаты же воспитания будут одинаковыми в обеих семьях.

Доброе отношение только к своим близким, родственникам еще не является показателем настоящей доброты, сердечности, чуткости человека, не говорит о его гуманности. Истинная доброта — это доброта ко всем, кто оказывается рядом с тобой в жизни. И если мы доброту и сочувствие стараемся запереть в четырех стенах собственной квартиры, а за ее порогом будем внушать детям равнодушие и черствость, можно быть уверенным, что рано или поздно добрые чувства не сработают и дома. Доброту нельзя оставить дома как необходимую принадлежность домашнего быта, но совершенно не нужную за пределами его. Нельзя стать добрым на время, по необходимости. Нельзя потому, что доброта — это целый комплекс чувств, привычек, взглядов.

Четвертая категория — это те самые родители, о которых Макаренко писал, что они вообще не ставят перед собой никаких определенных целей в воспитании своих детей, не придерживаются определенных методов, а «всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают». О воспитании гуманности в детях эти родители думают так же мало, как и о других чертах характера. И здесь вообще очень трудно рассчитывать на формирование в семье глубоких, устойчивых положительных черт личности. Многое тут будет зависеть от среды, что окружает ребенка, от людей, которые встретятся ему в жизни. Сами же родители в такой ситуации вряд ли добьются чего-нибудь значительного.

Если теперь подвести итог нашей характеристике разных семей, то получится довольно грустная картина. Мало еще, оказывается, у нас семей, где сознательно, целеустремленно, постоянно и настойчиво воспитываются в детях добрые чувства, гуманные взгляды, привычка делать добро. И это непростительно уже потому, что впоследствии от этого будут

страдать не только те, кому доведется жить рядом с нашими детьми, не привыкшими делать добро, но также и они сами.

Особенность процесса воспитания добрых чувств в том, что здесь вообще не может иметь места принуждение, приказание. Заставить человека быть добрым просто невозможно. Можно принудить его к послушанию, к выполнению каких-то обязанностей, даже к вежливости, но заставить почувствовать расположение, доброжелательность нельзя, так же как нельзя, например, заставить разлюбить одного человека и полюбить другого. Принуждение здесь оказывается несостоятельным методом воздействия. Убеждение словом, разъяснение, пример, создание привычки, приучение — вот те пути, по которым идет формирование добрых чувств. А раз нет принуждения — к чему сопротивление? Подросток сопротивляется больше всего тому, в чем чувствует насилие.

Случается, правда, и добрые дела выполняются в приказном порядке. «Завтра, 12 ноября, тимуровский час. Неявившиеся не будут допущены 13-го к занятиям», — читаем мы объявление в школе.

Доходит порой до анекдота: 28 декабря 1966 года во всех пятых классах школы классные руководители объявляют: «Кто не явится на елку, не получит дневника с отметками за вторую четверть». Другими словами говоря: «Веселитесь, а то плохо будет».

Да, одними распоряжениями, угрозами, приказами, за которыми — насилие над волей, желанием, интересами ребенка, добрых чувств не воспитаешь, к веселью не расположишь,

V. Маленькие «Человеки»

Какой ты у нас большой, — гворит мама шестилетнему сыну, примеряя ему в «Детском мире» первую школьную форму, — скоро будешь совсем взрослым.

— Мамуленька, а я не хочу расти, я хочу всегда оставаться маленьким.

— ?!?

— Потому что когда я вырасту, ты станешь старенькой, а я не хочу, чтобы ты была старенькой.

Милые наши, дорогие малыши! Если бы мы всегда помнили, сколько золотых крупиц доброты таится в их бесхитростных, открытых настежь сердечках! Если бы помнили, если бы всегда замечали, прислушивались, если бы умели ценить! Наверное, мы все сами стали бы тогда мягче, добрее, лучше. Есть у Агнии Барто стихотворение «Уехали», Оно о

ребятах, воспитывавших в пионерском лагере щенка. Кончается лето, дети возвращаются в город, а щенок, всеми брошенный, забытый, остается в пустом доме. Но ребята вспоминают о нем, возвращаются с полпути и берут щенка с собой. У этого стихотворения есть своя история. Последние восемь строк его дописаны несколько позже. Когда был опубликован первый вариант стихотворения и тысячи маленьких читателей и почитателей Агнии Барто узнали, что

Он был один в саду пустом,
Он на террасе лег,
Он целый час лежал пластом,
Он не хотел махать хвостом,
Он даже есть не мог, —

писательница получила десятки писем от ребят, от их пап и мам, которые по поручению малышей, не умевших писать, просили изменить конец стихотворения: пусть ребята вернутся и заберут щенка с собой. Пришлось Агнии Барто переделывать стихотворение, появился новый его вариант со «счастливым» концом.

Но не надо думать, что только самые маленькие бывают добрыми и «жалостливыми», что с возрастом черствеют и грубеют детские сердца. Нет, не тускнеют добрые чувства, но с годами прячутся глубже или сдерживаются по каким-то причинам, становятся трудно различимыми.

На одной площадке с нами живет наш приятель Димка, человек образца 1959 года, побывавший в своих мечтах уже и шофером, и летчиком, и киномехаником, и машинистом, и прочно утвердившийся в последние два года, конечно же, космонавтом. Но на днях он озабоченно сообщил, что твердо решил переквалифицироваться: он будет поваром.

— Но почему именно поваром, Димка? — От такого падения с романтических высот космических просторов до кухонной плиты даже у нас защемило сердце. Неужели, думаем, соблазнился каким-нибудь шикарным маминым пирогом с заварным кремом? Оказалось, да: в изменении Димкиных планов, действительно, виновата мама, правда, пирог здесь ни при чем. У мамы несчастье — сломала ногу, и Димка слышал, как вчера она говорила папе: «А если не срастется, так и буду всю жизнь с больной ногой мучиться? А срастется — все равно, наверное, больно будет стоять и ходить».

Вот Димка и решил выучиться на повара, чтобы самому дома готовить, а маме стоять и ходить поменьше.

Через несколько дней я зашла навестить Димину маму и застала ее расстроенной и рассерженной на сына. «Опять двойку принес, совсем уроки перестал учить, все на кухне крутится. Научиться готовить ему, видите ли, вдруг захотелось. Толку от него чуть, а арифметику сделать не успел. Сейчас в магазин послала, пока на обед не закрыли, вернет-

ся — я ему всыплю». Как не вспомнить здесь мудрые слова Януша Корчака, что часто не знаем и не понимаем мы своих детей.

Где-то читала я про одного, кажется, второклассника, который часто приходил из школы расстроенный тем, что строгая учительница постоянно сердилась на него за рассеянность, за плохой почерк и частые кляксы в тетрадах. Мальчик старался писать лучше, но, видно, не очень это ему удавалось. Раздражение учительницы все нарастало, и мать попросила директора школы перевести Витю в параллельный класс. Директор, стараясь сделать это тактично, зашел во время урока к строгой учительнице и сказал ребятам: «В вашем классе слишком много учеников, а в других мало. Мы решили часть ребят перевести во 2-й «Б». Поднимите руки, кто хочет перейти в другой класс». И тут случилось непредвиденное: все ребята подняли руки. Все, кроме Вити. «Почему же ты не поднял руки», — спросила его потом мама. «А мне стало жалко учительницу, что все захотели уйти от нее». Когда я думаю об этом случае, он всегда представляется мне маленьким подвигом доброты. И снова вспоминается Корчак: «Детей нет, есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств». И так же, можно прибавить, способных на подвиги, как настоящие люди. И когда жалуются учителя на непоседливых, нестарательных, недисциплинированных и вроде бы даже неуважительных своих питомцев, когда отчитывают их, выгоняют из класса, посылают за родителями («Без матери не приходи!»), так хочется сказать им, даже не сказать — крикнуть: подождите, остановитесь, нет ли среди этих «злых нарушителей» такого же Вити, не проглядели ли вы доброе, хорошее сердце, не ожесточаете ли его?».

И, наверное, все-таки чем меньше ребенок, тем труднее нам понять его порывы, желания, его отношение к нам. Он ведь и выразить это как следует ни словами, ни действиями не умеет. И чувства сами еще носят характер примитивный, недифференцированный, что ли. Доброта, например, ребенка еще не обещает чуткости, а мы огорчаемся, когда не видим ее, считаем, что наш малыш недобрый, эгоистичный. Вот как описывает это Корчак. «Не буди маму, — говорят ребенку, — она спит, у нее голова болит». Он не разбудит, только тихонько подойдет на цыпочках к маме и шепотом, тронув за руку: «Спи, мамочка, у тебя головка болит». А мы сердимся, негодуем, требуя от маленького взрослой разумности, принимая наивное и смешное проявление заботы за непослушание и эгоизм.

Но бывают и забавные неожиданности: малыш вдруг проявляет жалость и сочувствие там, где мы, по установившейся традиции, ждем категорического осуждения. Пятилетнему

Васе прочитали басню «Стрекоза и муравей». Он заплакал: «Бедная стрекоза, ей теперь нечего будет есть, а муравей плохой, он ее не пожалел».

Но интересно, что наивность и неопытность наших детей, делающие их часто очень неумелыми в желании помочь другому, проявить добрые чувства, нисколько не мешают им с удивительной, недетской даже проникательностью подмечать иногда тонкие, скрытые движения души взрослого человека, вызванные добрыми чувствами. Десятилетний парнишка, вернувшись из булочной, рассказывает: «Там одна женщина ругала свою дочку за что-то, а другая ей говорит: «Ну что вы на ребенка кричите?» А потом, когда подошла очередь получать булочки той, что защищала, она попросила продавщицу: «Вы мне дайте, пожалуйста, посвежее, мне сыну в больницу». Теперь я знаю, почему она не давала другой женщине ругать дочку». Конечно, здесь не только проникательность, точнее — само понимание сложных переживаний другого человека является следствием душевной чуткости мальчика. Человек, равнодушный к окружающим и черствый, наверное, вообще не обратил бы на этот эпизод никакого внимания и уж, конечно, не задумался бы над ним.

Но бесценные ростки добрых чувств, внимания и чуткости к людям — растения садовые, а не дикие, культивируемые, а не рожденные природой, и требующие поэтому постоянного ухода. И здесь хочется высказать одно соображение.

Воспитание доброты — процесс очень разносторонний и совсем не такой простой, каким он иногда кажется. Мы можем проявлять сочувствие и уважение к слабым и старым, помогать беззащитным, разрешать своему сыну покупать эскимо для всех мальчишек своего двора, но для того, чтобы сын увидел в вас доброго, понимающего друга и сам захотел не только делать добро, но и защищать его, чтобы он чувствовал себя достаточно сильным и уверенным, вы должны быть добрыми не только тогда, когда надо кого-то накормить или поднести чей-то тяжелый чемодан. Вам обязательно надо проявлять внимание, уважение и сочувствие к интересам, стремлениям и мечтам своего ребенка, т. е. быть понимающим и добрым другом. А как часто мы проявляем еще небрежность и неуважение к духовной жизни детей, равнодушные к их интересам, особенно к тем, которые с нашей, взрослой, «разумной», точки зрения кажутся пустыми, ненужными, глупыми, мешающими занятиям в школе и т. д. К таким увлечениям родители не просто невнимательны, они борются с ними всеми известными им способами, не понимая, что часто разрушают большую радость, гасят фантазию, убивают мечту и, конечно, ожесточают.

Есть, кажется, у Эдуарда Шима рассказ «Копейка». Маленький мальчик собирал копейки. Было это давно, когда

копейка имела еще меньшую ценность, чем сейчас, фактически — почти никакой. Их мало кто берег, но мальчик очень дорожил своей тайной коллекцией. Когда его никто не видел, он вынимал крохотные «золотые» монетки и с удовольствием рассматривал их. Копеек было уже очень много — целых сто. И вдруг этот копеечный клад обнаружил отец. И произвел рационализацию: сгреб все копейки и сдал в кассу магазина, а сыну оставил новенький хрустящий рубль. Рубль, не имеющий никакой ценности по сравнению с сотней погибших копеек!

Один известный, ныне покойный, актер коллекционировал часы. Взрослые, солидные люди копят огромное количество спичечных этикеток, не говоря уже о марках, старинных монетах и т. п. И никому не кажется это вздорным чудачеством. Но почему же мы опустошаем копилки, выворачиваем карманы, выбрасываем какие-то коробочки, баночки?.. Почему мы не даем ребенку даже такого маленького права — права на свое, ну хоть какое-нибудь собственное увлечение? Нет, мы и здесь диктуем, распоряжаемся, давим. И этим мы не только наносим травму, не только отдаляем ребенка от себя и делаем его замкнутым и чужим. Подобным равнодушием и неуважением к тому, что ему дорого, мы приучаем его так же равнодушно и бездушно жестоко относиться и к другим людям, с такой же легкостью разрушать их радость и мечту, т. е. воспитываем черствость и бездушие. Педагогику, пишет Корчак, напрасно считают наукой о ребенке, а не о человеке вообще. Ведь это дает основание относиться к детям как к неполноценным людям, позволяет урезывать их права, подавлять желания, не считаться с их интересами. И действительно, смотрите, разве несправедливы эти упреки детей, обиженных неуважительным к ним отношением пап и мам? «Почему когда папа прольет чай, мама говорит «Ничего», а мне всегда попадает?», «Почему мама и папа приглашают кого хотят, а мне нельзя?», Почему я должна идти играть, когда мне не хочется? Их ведь никто не заставляет играть в карты, а мне они говорят всегда: «Иди играй, не вертись здесь».

VI. Доброта и самоуважение

Насилие над интересами ребенка, неуважение его прав вредно еще и потому, что, унижая ребенка, мы препятствуем развитию очень важного качества — чувства собственного достоинства, самоуважения, которое гораздо больше связано с добрыми порывами и поступками, чем это может показаться с первого взгляда. «В нем есть чувство собственного достоинства,— го-

ворим мы,— он не может сделать пакость, ударить слабого, не постоять за правду, не вступиться за унижаемого».

Двое здоровых парней — восьмиклассников спускаются со «своего» третьего этажа школы на второй во время большой перемены. В последнее время они это проделывают довольно часто: там ждет их веселое развлечение. Они ловят всегда одного и того же пятиклассника Васю Коростылева, тащат его в туалет и начинают там «подготовку к уроку анатомии»: быстро раздевают уже почти не сопротивляющегося мальчика и, оглушительно гогоча, тычут холодными пальцами ему между ребер, дают подзатыльники, дергают руку, ногу, приговаривая: «Это голеностопный сустав, а это брюшная полость» и т. д. Вася хорошо понимает унижительность своего положения, но, беззащитный перед более сильными и старшими, запуганный, боится пожаловаться взрослым.

Это происходит на виду у многих мальчишек. Одни не видят в этом ничего особенного, другие возмущаются в душе, но страх и осторожность, продиктованные уже накопленным житейским опытом, удерживают их от решительных действий в защиту Васи. Однако всему есть предел. Издевательство не может продолжаться постоянно. Наступает тот естественный конец, который рано или поздно должен был наступить: двое шестиклассников, явно уступающие хулиганам в силе, вдруг отчаянно возмущившись, с такой безоглядной решимостью, всем своим существом, гневно и бесстрашно бросаются на восьмиклассников, что к ним тотчас же присоединяется большая часть тех, которые еще совсем недавно проходили мимо. И восьмиклассники бегут, чтобы больше не возвращаться.

Что произошло? Эти двое Васиных защитников просто физически не могли перенести унижение достоинства другого человека, ибо в их глазах это означало унижение их самих. Привычка уважать себя оказалась сильнее чувства осторожности, весьма справедливой боязни «связываться» с более сильными противниками. Уважение к самому себе заставило подростков достойно вести себя и дать заслуженный отпор хулиганам.

Доброта бывает, пожалуй, нескольких видов. Самая «маленькая» — доброта пассивная: человек не ударит слабого, не оборвет робкого, не заденет самолюбия легко ранимого. Но пройдет мимо зла. Более ценный вид доброты — это такая ее стадия, когда добрые чувства не только не разрешают человеку делать зло, но и заставляют его совершать добрые дела. Мальчик согревает своим телом грязного, мокрого, замерзающего на улице котенка, подхватывает из рук старика тяжелую поклажу, отдает больному товарищу любимых железных солдатиков. Это уже доброта активная. Но

есть еще один вид доброты — доброта борющаяся. Это самая высокая ступень ее, самое прекрасное, самое бескорыстное и благородное ее проявление. И вот эта доброта обычно выбирает себе хозяина среди людей с чувством собственного достоинства, ибо только уважающий самого себя и ощущающий поэтому себя сильным может по-настоящему почувствовать несправедливость, зло, унижение одного человека другим. Самоуважение дает и силы для борьбы. И, думается, именно чувство собственного достоинства удесятерило силы многих поколений русских революционеров, заставляя их в тягчайших условиях царского произвола, рискуя своей жизнью и благополучием близких, бороться за торжество справедливости, против того зла и унижения, на которые обрекал людей ненавистный им строй.

А бывает и наоборот: у человека не только нет чувства собственного достоинства, но он еще к тому же сознательно определяет себя как «человека маленького». А маленький человек — что он может? Он — винтик. Поэтому он примиряется с любой несправедливостью и с явным злом, а затем и приспосабливается к нему, живет в ближайшем с ним соседстве и даже «звинчивается» в его механизм, спокойно пребывает в нем да еще стремится устроиться в этом положении как можно комфортабельнее. Не случайно, что обер-палач Эйхман, участвовавший в истреблении миллионов людей, фашист, человеконенавистник говорил: «По сути я был только винтиком машины, выполнявшим указания и приказы империи. Я вовсе не убийца, не народоубийца». Он с комфортом устроился, этот винтик империи, палач, совершивший злодеяния, которых до того не знала наша планета.

Конечно, винтик винтику рознь, и не каждый, у кого не хватает самоуважения, — потенциальный преступник, но неуважение к себе — это открытая дверь для большой и небольшой подлости, анемия души, равнодушие к совершающемуся рядом злу. И как же все-таки они «получаются», эти люди без чувства собственного достоинства, не способные ни к добрым делам, ни к борьбе с делами злыми? Сколько таких учеников в описанном выше случае, не обладающих чувством собственного достоинства, прошли мимо явного зла, успокаивая себя соображением: «Ну, что я могу с этими верзилами сделать, я человек маленький».

Очень часто местом, где формируются такие люди, бывают семьи с открытым или скрытым тиранством одного из членов семьи, чаще всего отца. Кому незнакомы, например, если не из жизни, то из газет, эти пьяницы мужья, избивающие и выгоняющие жену и детей ночью на улицу и пропивающие все в доме? Наблюдая, как терпит все это мать, дети тоже привыкают к унижению, терпению, покорности. Иные, правда, пытаются восставать, бороться, но требуется все-таки очень боль-

шое мужество, чтобы пойти не только против отца, но и против матери, хотя и защищая ее. Ведь как бывает в таких семьях? Мать мучается, но терпит и детей старается уговорить «не связываться», «не делать шума», «не выносить сор из избы» и т. д.

Но наряду с такой явной формой тирании существует и другая, более часто встречающаяся, где внешне все выглядит довольно благопристойно и где жестокое и неограниченное (а потому и уродующее души детей) господство одного из членов семьи смягчено известной внешней культурой поведения другого. Вообще нам кажется, что именно в области семейных отношений у нас сохранилось больше, чем где бы то ни было, этих пресловутых «родимых пятен» капитализма — пережитков. Присмотритесь внимательно к жизни многих наших семей, и вы увидите, что тиран в семье — не такая уж редкость. И часто сама жена да и другие члены семьи не считают это таким уж большим недостатком. «Глава семьи» — само это понятие в представлении некоторых людей предполагает наличие определенной доли неограниченной власти. К тому же эта власть опирается часто не только на то, что тиран обеспечивает материальное благополучие домашнего очага, но и на его «интеллектуальное» превосходство, так сказать, в виде вузовского диплома или ученой степени.

Но иногда семейный деспотизм не имеет под собой ни материальной, ни какой-либо другой почвы, а является следствием дурного характера и холодного сердца, обусловленных, в свою очередь, уродливым воспитанием в прошлом. Характеризуя различные виды родительского ложного, как он выражается, авторитета, Макаренко подробно разбирает так называемый авторитет подавления, а затем авторитет педантизма, являющийся своеобразной формой семейной тирании.

«Если отец дома всегда рычит... за каждый пустяк раздражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно только быть прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаша, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят либо слякотные и никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство».

Или авторитет педантизма: «Если такой папа сказал: «Зав-

тра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть...».

А иногда родители подавляют детей своей необузданной раздражительностью, неврастеническими взрывами по пустякам, крикливой требовательностью. А отсюда рукой подать до несправедливых обвинений и незаслуженных наказаний. В этом случае в душе ребенка поселяется заслоняющий другие мысли и чувства страх перед нервными срывами родителей. Так воспитывается привычка отмалчиваться, подавлять страдание, замыкаться в себе, уходить от борьбы за свои права, подрывает веру человека в себя, в свои силы. И все это, конечно, отнюдь не способствует формированию чувства собственного достоинства, наоборот, отсюда недалеко и до принципиальной позиции «маленького человека», не желающего (и не умеющего) отстаивать справедливость, мирящегося со злом.

Достоинство будущего гражданина воспитывается и тем уважением к его интересам, о котором мы говорили выше, и доверием, и, конечно, признанием его прав на участие в решении каких-то семейных вопросов. В «Книге для родителей» Антон Семенович Макаренко с подлинным искусством наблюдательного педагога и талантливого писателя дает две примечательные сцены — описание того, как в двух разных семьях по-разному, в соответствии со стилем жизни и семейными традициями каждой семьи, обставляется выдача детям мелких денег. «Иван Прокофьевич выдавал карманные деньги накануне выходного дня в довольно торжественной обстановке... раскладывал на столе бумажник и спрашивал:

— Ну, Севка, хватило тебе на неделю?

У Севки в руках измазанный кошелек, сделанный из бумаги. В кошельке множество отделений, и в развернутом виде он похож на ряд ковшей в землечерпалке. Севка встряхивает эти ковши над столом, из них падают двухгривенный и пятак. — Вот, еще осталось, — говорит Севка, — двадцать пять копеек.

Варюша свой кошелек, такой же сложный и хитрый, держит в металлической коробочке из-под монпансье, кошелек у нее чистенький, незапятнанный. На его подозрительную полноту иронически косится Севка.

— Варюшка опять деньги посолила.

— Опять посолила? — расширяет глаза Иван Прокофьевич. — Ужас! Чем это может кончиться? Сколько у тебя денег?

— Денег? — Варюша серьезно рассматривает внутренне-

сть кошелька.— Вот это рубль и это рубль... и это... тоже рубль.— Она безгрешным, ясным взглядом смотрит на Ивана Прокофьевича и раскладывает рядом с кошельком несколько монет и два новеньких рубля.

— Ой-ой-ой,— подымается на стуле Севка.

Старшие наблюдают отчетную кампанию с дружеской симпатией, своих кошельков не достают и денег не показывают.

— Это Варюша собирает на курорт,— улыбается Павлуша.

— И не на курорт, а на другое, на другое! На посуду и на столик и на лампу для куклы.

— Пожалуйста, пожалуйста,— говорит Иван Прокофьевич.

Меня всегда удивляло, что Иван Прокофьевич никогда не расспрашивает ребят о произведенных расходах и о расходах предстоящих. Потом я понял, что расспрашивать и не нужно, потому что никаких секретов в семье не было.

Иван Прокофьевич вынимает из бумажника серебряную мелочь и передает малышам:

«Вот тебе рубль и тебе рубль. Потеряется, не отвечаю».

А вот другая семья, другие традиции. «Мне не так часто приходилось заглядывать к Бабицу, но почти всегда я бывал свидетелем такой беседы:

— Папа, дайте двадцать копеек.

— Зачем тебе?

— Тетрадку нужно купить.

— Какую тетрадку?

— По арифметике.

— Разве уже исписалась?

— Там... на один урок осталось...

— Я завтра куплю тебе две тетрадки.

Или такой беседы:

— Папа, мы пойдем в кино с Надей.

— Ну, идите.

— Так деньги!

— Почем билеты?

— По восемьдесят пять копеек.

— Кажется, по восемьдесят.

— Нет, по восемьдесят пять.

...Николай Николаевич подходит к шкафчику, достает из кармана ключи, отпирает замок ящика, что-то перебирает и перекладывает, запирает ящик и кладет на стол ровно один рубль семьдесят копеек.

Сын пересчитывает деньги, зажимает их в кулаке, говорит «спасибо» и уходит. Вся эта операция продолжается минуты три, и за это время лицо мальчика успевает налиться кровью, которая к концу операции захватывает даже кончики ушей. Я заметил, что количество крови находится в обратной про-

порции к величине испрашиваемой суммы и достигает максимума, когда сын просит:

— Папа, дайте десять копеек.

— На трамвай?

— На трамвай.

Происходит то же священнодействие у ящика, и на стол выкладываются два пятак. Сын, краснея, зажимает их в кулаке, говорит «спасибо» и уходит».

За этими сценами — весь жизненный уклад обеих семей. Уклад, воспитывающий в первой семье доверие, доброту, самостоятельность, самоуважение, и зажавший детей в железные тиски мелочного деспотизма отца, подавляющий человеческое достоинство, приучающий к унижению — тяжелый домостроевский уклад второй семьи.

VII. Неделимость доброты

— Папа, позвони скорее доктору, — выпаливает сын прямо с порога.

— Что случилось? Что это у тебя такое? — не успевает опомниться отец. В руках у мальчика крохотный, еще слепой котенок.

— Кто-то бросил котенка, а он еще не умеет есть, он умрет, если не вызвать доктора. Позвони скорей.

Отец кое-как успокаивает сына, объясняет, что к котят докторов на дом не вызывают, как это делают обычно, когда болевают дети. Его-то самого сейчас беспокоит здоровье не котенка, а собственного сына. Намучившись за 9 лет с его многообразными катарами, гриппами, ларингитами и живя в вечном страхе перед каким-то новым заболеванием ребенка, он с большим опасением глядит на покоящееся в руках сына грязное, мокрое существо. «Самое лучшее, конечно, — думает он, — предоставить котенка его собственной судьбе — приказать или уговорить сына отнести котенка туда, где он его взял». Но мальчишка горячо спорит, отчаянно защищая спасенную им жизнь. Как подорвать его замечательную уверенность (отцом же воспитанную), что все происходящее в мире должно его касаться, что он за все в ответе?

На помощь приходит мама. Появляется коробка из-под обуви с ватой и тряпками, куда укладывается дрожащий комочек, прикрытый папиным старым носком. Потом папа жертвует соску, снятую с бутылки с клеем, необходимым ему для работы. В умелых маминых руках котенок, наконец, начинает всасывать каплями подогретое молоко из отмытой бутылки от лекарства и, насытившись, засыпает прямо на маминых коленях. Сын же радостный, гордый собой, преисполненный чув-

ства собственного достоинства, бежит во двор, готовый к новым Геракловым подвигам мальчишки двадцатого века. И пока котенок вырастает, прозревает, выползает из своего логова, сын совершает еще всякие и разные человеколюбивые дела. Приводит, например, в дом семилетнего Сережку, вывалившегося в снегу, грязного и рваного, спасающегося от пьяного отца. Вместе с мамой он одевает его в свои теплые сухие носки и штаны, угощает любимой арахисовой халвой и тащит опять же к заветному местечку под батареей, где, зарывшись носом в теплый папин носок, мирно дремлет котенок. Хороший, добрый человек растет из мальчишки.

...Как-то в пятом классе зашел разговор о доброте человеческой, о внимании и чуткости к людям и о том, что гуманным и добрым надо быть не только к человеку, но и ко всему живому. Учительница вспоминала с ребятами замечательные рассказы В. Чаплиной о дружбе ее с львицей, лосенком, с волком. Ребята наперебой рассказывали о любимых животных, о собаках, рыбах, кроликах. Вдруг Гена Толстых, молчавший до того, заявил: «А все равно не по-вашему бывает, а как взрослые захотят. Они тоже добрые на словах, а чуть что не так — за хвост и об стенку всех ваших Шариков».

Ребята возмутились: «Неправда!».

«У нас так не бывает!».

«Откуда ты знаешь?».

«Раз говорю, значит, знаю», — уклонился от ответа Генка, уселся за парту, насупился и сидел так, пока ребята бушевали и доказывали ему, что он не прав.

Через несколько дней после этого разговора в школу зашел отец Гены Толстых. Зашел удивленный тем, что у Гены тройка по поведению за неделю в дневнике. Мастер спорта, пышущий здоровьем и оптимизмом, он стоял передо мной, снисходительно улыбаясь, и доверительно говорил:

— Ну кого из нас не выгоняли из класса, какое это имеет в конце концов значение? Все мы вырастали как-то и все людьми становились.

— Но Гена сорвал урок литературы, он не дает работать другим.

— А что значит не дает работать? Мне кажется, вы напрасно обостряете все это. Просто ему больше нравится гимнастика, а не литература. Но вы не думайте, — спохватился он, — дома мы требуем все как надо: каждую субботу — дневник на стол. Чуть двойка или что там еще, он уже знает — пощады не жди. Недавно вот щенка завел...

— Щенка?!

— Ну да. И где он его раздобыл такого, было бы на что смотреть, породистый бы какой, а то дворняга, мокрый весь, облезлый. Под забором, видно, где-то валялся, пищал. Ну так

вот, притащил он его, а я в командировке был. Приезжаю, а он из-за этого щенка гимнастическую школу пропустил, в больницу его, видите ли, таскал. Ну, я в момент от него избавился. Так что вы не беспокойтесь, мы Гену в строгости держим.

Что я могла сказать ему? Этому папе и невдомек, что его личная убежденность в незначительности таких событий, как срыв урока и неважная успеваемость, т. е. его подлинное отношение к учебе сына постоянно ощущаются Геной и воспитывают его в соответствующем направлении. А история со щенком? Наверняка, этот заслуженный спортсмен считает себя добрым и отзывчивым человеком, уверен, что не делает ничего плохого и сына учит только хорошему. И он бы очень удивился, если бы услышал, что не только сам поступает жестоко и бесчеловечно, но и в сыне воспитывает черствость и бездушие.

Пока что в сердце мальчика поселились только боль, жалость, глухая неприязнь к отцу и неверие в доброту человеческую. Но семена холодного равнодушия уже посеяны. В следующий раз он уже заставит себя пройти мимо погибающего живого существа (все равно отец выгонит!), потом привыкнет не обращать внимания на страдание. А человека, способного быть безжалостным к животному, нельзя представить себе добрым и чутким по отношению к людям.

Вот так и вырастает бесчувственный и бездушный эгоист. А когда-нибудь, лет через пятнадцать, поседевший отец его будет удивляться: «И откуда у Гены такая черствость? Ведь маленьким был, всякую тварь жалел, все в дом таскал, а тут большой матери слова доброго не скажет. Откуда?»

Ну что ж, скажет читатель, может быть, это все и правильно, но совсем не просто. Далеко не всегда, в особенности в городских условиях, есть возможность в семье, даже при самом гуманном отношении к животным, давать приют спасенным котяткам и щенкам. И что делать с ними потом? Вообще быть гуманным, добрым, заботливым всегда труднее, чем безразличным. И конечно, немедленно и впоследствии встанут какие-то трудно разрешимые вопросы, а жизнь у каждого из нас и так достаточно сложна, но... Все мальчишки нашего двора знают: скулящего слепого щенка или брошенного почему-то матерью котенка всегда можно отнести в квартиру № 80, уж оттуда их никогда не выбросят, во всяком случае пока не выйдут. Ну, а что делать потом этой гуманной семье? Потесниться и уступить одну из двух комнат благодарным четвероногим? А летом, когда родители и десятилетний сын уезжают надолго из Москвы путешествовать? Куда, спрашивается, девать этот спасенный зверинец? И именно поэтому Мишкин папа, глава упомянутого семейства, утверждает, что он «принципиально против всякой живности», но тем не ме-

нее... мальчишки все-таки тащат в восьмидесятую квартиру котят, щенят и даже подбитых голубей. И, представьте, все как-то улаживается, и населению квартиры не приходится уступать свою жилплощадь. Выздоровевший голубь пристраивается к соседней голубятне, соседка с пятого этажа забирает Фомку — пушистого серого котенка со смешным ярко-розовым носом, находится охотник и на умненькую ласковую лайку, выросшую из жалкого, замороженного щенка. Да и не за каждым углом, в конце концов, и не каждый день могут слышать ребята «SOS» от брошенных животных. Ну и на худой конец, если уж у вас нет никакой абсолютно возможности сочувственно отнестись к доброму порыву ребенка — пожалеть животное и взять его в дом, разъясните это сыну спокойно и доброжелательно, чтобы он почувствовал: вы разделяете его тревогу и жалость, но что делать, если у вас в квартире целый день никого нет, дети учатся, вы на работе, а щенок и есть-то сам не умеет. И вот пример тому.

Недавно на лыжной прогулке я познакомилась с мальчиком лет 12 и его мамой. Парнишка ходил на лыжах лучше матери и часто убегал вперед, оглядываясь по дороге — как там она. Но довольно скоро возвращался, и они снова шли рядом. Я обратила внимание на собаку, что все время бежала за ними следом, то догоняя мальчика, то ласкаясь к женщине. Мне понравилось это дружное трио и, поравнявшись с сыном, я пошутила: «А ты попробуй наперегонки со своей собакой. Давай вместе, вон до того дерева». Мальчишка широко улыбнулся, кивнул, и мы помчались. Я, конечно, сразу отстала, он, заметив это, тоже сбавил ход, и только пес с залиvistым восторженным лаем унесся далеко вперед. Когда мы возвращались, мальчик сказал: «А это не наша собака, она просто привязалась к нам, вот уже два часа все ходит и ходит за нами. Я просил маму: «Давай возьмем ее домой, у нее, наверное, нет хозяина», а мама говорит: «Нет, папа не разрешит». — «Твой папа не любит животных?» — «Нет, что вы, очень любит, у нас раньше котенок жил, Синус мы его называли, он все на папиных математических книгах спал, так он летом, когда мы с мамой уехали, упал у папы с балкона. Так папа, знаете, потом одной сметаной его кормил». Тут мой собеседник глянул на меня несколько недоверчиво и одновременно с улыбочивой искринкой — стоит ли ей открывать всякие веселые семейные тайны? «А нам папа написал, что теперь и ему тоже перепадает сметаны с барского стола, а то без нас он всегда одними пельменями питался. Но он считает, что безответственность — заводить нам животных, потому что нам некогда за ними ухаживать, и летом мы почти всегда все уезжаем, вот и Синуса пришлось отдать. А потом мама говорит: «У этой собаки, наверное, есть хозяин, это же немецкая овчарка, так что нельзя».

Домой мы возвращались уже вместе. У выхода из парка остановились, чтобы снять лыжи. Собака сидела рядом, дружелюбно помахивая хвостом. Мой новый приятель умоляюще смотрел на мать. И тут произошло удивительное. Женщина подошла к собаке, погладила ее и твердо сказала: «Иди-ка ты, пес, домой, понимаешь, домой? Тебя, наверное, давно хозяин ищет, ну, ступай!» И собака повернула назад. Мальчик долго смотрел, как она легкой рысцой трусила к лесу, мать не торопила его, потом сказала тепло, но настойчиво: «Ну что ж, Игорек, пойдем». И мы двинулись к метро.

Многие москвичи и, наверное, не только москвичи, знают, что совсем рядом с шумной столицей, в подмосковном лесу на станции Подлипки белки не боятся человека. Они забираются к людям на плечо, доверчиво идут в руки. Говорят, несколько лет назад их приручил приезжавший сюда в санаторий тихий больной старик. И примечательно, в своей доверчивости белки оказались «человечнее» некоторых цивилизованных дикарей. Среди зверьков есть несколько с опаленными хвостами и лапками. Опаленными рукой недоброго человека. Но те же белочки по-прежнему льнут к человеку и даже пытаются забраться в карман в поисках орехов, которыми их подкармливают добрые, хорошие люди из подмосковного санатория.

Зачем мы все это рассказываем? Трудно представить себе человека, который был бы истинно добр к людям и жесток к животным. Очень трудно разделить доброту на три части — доброту к людям, к животным и к природе, допустим, и исключить одну из этих частей из употребления. Если можно еще с некоторой натяжкой согласиться с тем, что человек, по доброму относящийся к лошадям и к собакам, может быть равнодушным и даже жестоким к людям, то совершенно невозможно, думаем, представить себе обратное: избивающий беззащитное животное оказывается чутким, сердечным, сострадательным к детям, к старикам. Если не остановила жестокую руку беспомощность животного, та же беспомощность не вызовет в жестоком сердце сочувствия к человеку. И поэтому, когда в Москве хулиганы свернули шею знаменитому ручному лебедю Борьке, а на реке Белой какой-то проворный охотник подстрелил только что спасенного людьми из полыньи лося, оба поступка были восприняты всеми как преступление против нравственности и человечности.

Писатель Рябинин рассказывает, что в старину был такой обычай: когда жених впервые переступал порог дома невесты, родители ее незаметно подсовывали ему кошку. Если парень ласкал животное, значит, решали, это человек добрый. Если же отталкивал, «пинал», значит, «лихой», пехороший.

Подтверждение прямой связи между добрым отношением детей к животным и их душевной мягкостью, тонкостью, от-

звичивостью к людям мы находим в литературном творчестве подростков и юношей. Один из авторов книжки 20 лет занимается с ребятами, пишущими стихи и рассказы. Многие из этих стихотворений привлекают не столько литературными достоинствами, сколько тем, что дают возможность заглянуть в психологию ребенка, юноши: ведь стихи чаще всего пишутся в силу органической, неудержимой потребности молодых поделиться тем чувством, которое переполняет их. И очень часто ребята пишут о любимых собаках, рыбах, лошадях, о своих добрых чувствах к ним. И характерно, что везде любовь к животным переплетается в стихах с удивительной для школьника зоркостью к несправедливости и злу, которое доставляют друг другу люди, и с чуткостью к тем, кто от этого зла страдает. Рядом со стихотворениями о животных — добрые строки, проникнутые жалостью и сочувствием к человеку. Вот один из многочисленных примеров этого: два стихотворения ученицы 9-го класса Тани Антоненко.

Собаке моих квартирных хозяев в Евпатории

Ты в щенячестве был лобастым,
Мне б тебя целовать да тискать,
А тебя посадили на цепь —
В огороде стеречь редиску.
Благороднейший, умный, хороший,
Мало видевший, много битый,
Но хозяев все-таки больше,
Чем меня, во сто раз любил ты.
Я тебя вспоминаю часто,
Обращаясь как к человеку.
Очень быстро годы промчатся,
Но тебя запомню навек я.
Ты родился в краю чудесном,
Море там и крымские степи,
Но в хозяйском дворике тесном
Ничего не знал, кроме цепи.
Может, ты проживешь и сносно,
Вам, собакам, труднее часто —
Мой приятель с кирпичным носом,
Ты ведь все же очень несчастный.

И как будто совсем неожиданно — серьезное, горькое, проникновенное — о людях:

...Помахала ты рукой небрежно
Девочке на пятом этаже,
Ты о ней и думаешь все реже,
Места нет ей у тебя в душе.
И со злым каким-то, нервным смехом
Сообщаешь ты в кругу подруг,
Что давно уж дочь тебе помеха,
А не то нашелся бы супруг.
Но не все умеют видеть дети:
Почему-то верит третий класс —
Мама лучше нету в целом свете,
От Наташи слышали не раз.

И она, прижавши нос к окошку,
Долго будет вслед тебе смотреть,
Ей заплакать хочется немножко,
Но большая, стыдно уж реветь...
...Позабыв про книжки и тетрадки.
Долго-долго будет маму ждать,
Да, у жизни сложные загадки,
Кто же эту сможет разгадать?

Неоценимо значение художественной литературы для воспитания добрых чувств. Неожиданно открывшийся перед маленьким читателем мир человеческой доброты, глядящий на него со страниц книги, может неузнаваемо изменить его представление, о людях, «взорвать» уже устоявшееся, привычное и недоброе отношение его ко всему живому... Колю Суходиева все — и ребята и взрослые — называли во дворе не иначе, как «Злючка-Колю-чка». Это прозвище он заслужил своими бесконечными злыми проделками. Стоило ему увидеть двух мирно разговаривающих мальчишек или играющих в классе девочек, или честный футбольный матч между командами двух домов, как он (один или с теми, кто в данный момент составлял его послушное войско) налетал на этих «мирных жителей», разгонял их по разным подъездам, заливал водой, где-то добытой грязью или варом игровые и спортивные площадки.

Особенной страстью маленького разбойника было преследование животных. Кошки, собаки, даже голуби при одном появлении Колючки мгновенно исчезали со двора. Они знали наверняка, что в его руках их ничего хорошего не ждет. Порция едкого скипидара и грохочущая банка, привязанная к кошачьему хвосту, — наиболее невинная форма развлечений Колючки.

И вдруг... Весь двор был поражен: маленький мучитель стал совершать абсолютно не свойственные ему поступки. Сначала слышали о перепалке Коли с матерью (отца у него не было). Как потом выяснилось, мать выгнала его вместе со щенком, которого Злючка пристроил в углу кухни, подстелив свою грязную рубашку. Тогда в подъезде, где он жил, появился ящик, устланный тряпьем. Туда был уложен серо-грязный комочек. Молоко, хлеб и другие продукты питания мальчишка с обычной агрессивностью потребовал от маленьких жителей двора и снес в тот же темный угол подъезда. В общем, произошло чудо: истязатель стал нежным и заботливым спасителем и кормильцем. И это чудо совершила небольшая книжечка известного русского писателя Гарина-Михайловского «Детство Темы». Правда, понадобилась еще простуда, которая уложила Колю в постель, отлучив его от ратных подвигов, да неиссякаемый педагогический оптимизм сердобольной старушки-соседки, занесшей ему эту книжку,

которую он со скуки взял почитать, да увлекся и дочитал до конца.

С замиранием сердца глотал он страницы, где рассказы-валось, как герой книги мальчик Тема ночью, преодолевая страх, лез в глубокий колодец, чтобы вытащить оттуда, спасти свою собаку. И в тот момент, когда он прочитал, как Жучка прыгнула на грудь к спустившемуся к ней мальчику и мигом облизала его лицо, — из Колиных глаз покатились горячие слезы.

Сила воздействия на детей хорошей, умной книги огромна. Ведь ребята видят в книге саму жизнь, ее яркий поток событий, людей, их поступков, который не только возбуждает ум, но и волнует сердце. И тот, кто в дошкольном возрасте узнал о «Докторе Айболите» Чуковского, кто в четвертом классе прочитал рассказы о животных Чаплиной, кто с замиранием сердца следил за приключениями мальчика-волка Маугли или за подвигами зверей из удивительной и прекрасной книги Сетон-Томпсона «Животные-герои», тот не мог не проникнуться любовью и сочувствием к миру животных.

Хорошо писал Чехов о том, что «...терпение, верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Карловича или туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода». О том же самом пишет и Ольга Перовская в своем недавно опубликованном письме «к мамам, папам и воспитателям моих маленьких сегодняшних читателей», написанном незадолго до смерти. «Излишне гигиенически настроенные мамы, озабоченные чистотой рук у своих малышей, часто забывают о чистоте и здоровье их детских душ, обедняя и выхолащивая у них с малых лет светлейшее, благороднейшее человеческое чувство — ласку и заботу о слабом, беззащитном «меньшом брате» ребенка — четвероногом детеныше. Обычные возражения, что ребенок может заразиться глистами от котенка или щенка, испугаться визга или прыжков, выражающих бурную радость животного, и т. д. — все это перестраховка плохих воспитателей, педантичная боязнь «как бы чего не вышло». Но ведь ни один даже самый узколобый педант пока еще не додумался лишить ребенка прогулок, игр из-за соображения, что в саду или на бульваре ребенок может положить (и даже обязательно положит) руку на скамью, где, может быть, сидел какой-нибудь заразный больной. Никто не додумается запретить ребенку играть в песке, где до него копался котенок, щенок или больной ребенок».

В этом же письме Перовской есть, между прочим, одно интересное замечание о том, что дети проявляют иногда бес-сознательное мучительство по отношению к животным. Доба-

вим — и иногда к своим сверстникам, в особенности к тем, кто поменьше и послабее. О той же странной черточке детского характера, о «чисто детской жестокости», как он выражается, можно прочитать и у Ромэна Ролана. Думается, источник таких поступков в том, что ребенок иногда просто не понимает всей глубины страданий, которые он доставляет другому. Не понимает из-за незнания жизни, из-за того, что он сам еще ничего не испытал и не представляет себе, что такое настоящее страдание, ну и, конечно, из-за каких-то пробелов в воспитании — ведь отнюдь не все дети проявляют такую необъяснимую жестокость. Но мы несколько не собираемся делать культ из любви детей к собакам и кошкам. Дело ведь, собственно, не столько в самом факте спасения вашим сыном полумертвого котенка, сколько в том, какое это имеет значение для нравственного становления мальчика, для того, чтобы вырос он не равнодушным, бессердечным и жестоким, а добрым и чутким. Ведь речь идет о детях прежде всего, о путях, способах, средствах их правильного воспитания. О том, что в таком деле не может быть мелочей, и о том, что одним из таких «пустячков» является отношение ко всему живому — отношение ребенка и ваше собственное.

VIII. Школа доброты и уроки ожесточения

Одному из авторов книжки пришлось наблюдать интересные семейные взаимоотношения между бабушкой, ее детьми и внуками. У бабушки натура была исключительно гордая, независимая и прямая. Потеряв мужа еще в гражданскую войну, она, отказавшись от помощи его родных, с которыми не ладила, самостоятельно вырастила троих детей, воспитала их людьми трудолюбивыми, ответственными и честными, добилась, чтобы все они получили высшее образование. Вообще она была женщина властная и к тому же упрямая. Ее невестка, мать двоих детей, наверное, не уступала ей в силе характера и настойчивости. Но жили они на редкость слаженно и спокойно, хотя чем дальше, тем трудней, видно, становилось молодой женщине: с возрастом, с ухудшением здоровья властность свекрови перешла в повышенную требовательность, мелочную придирчивость и капризность. Любой пустяк воспринимался ею как невнимание и неуважение.

И не было бы, наверное, странным, если бы в такой обстановке внуки не питали особенной привязанности и добрых чувств к бабушке. Но, видно, очень мудрой женщиной и понастоящему хорошим человеком была их мать. В доме все

делалось для того, чтоб не волновать старую хозяйку. Порой даже удивляло то терпение, с которым выслушивались и выполнялись ее бесконечные требования всеми — сыном, невесткой, внуками. И чувствовалось: тоя здесь задает невестка. Я думала, что делается все это не столько из-за любви к свекрови, сколько ради покоя в семье — лишь бы не было раздоров и скандалов!

Но вот бабушка серьезно заболела. И хотя она уже не в силах была требовать и настаивать, в доме старались жить очень тихо. Невестка, сын, внуки поочередно дежурили около нее ночью, бабушка никогда не оставалась одна. Приходя из школы, младший внук, девятиклассник, не снимая пальто, спрашивал: «Как бабушка? Врач был? В аптеку идти не надо?» А Восьмого марта вечером большой (обеденный) стол поставили около бабушкиной кровати, чтоб она могла отметить праздник вместе со всеми и не чувствовала себя одинокой.

Потом пришел день, когда бабушки не стало, и в семью пришло горе. Просто горе. Был человек — и нет его, а это всегда ужасно, даже если ему за восемьдесят и мы знаем, что родителям положено уходить из жизни раньше детей. Летом на бабушкиной могиле всегда много цветов, ухоженных руками тех, кто заботился о ней при жизни, а в квартире над тем местом, где она обычно сидела в кресле, появился ее портрет. На портрете бабушка до сих пор кажется мне мягче, чем это было на самом деле, как будто отражает ее лицо тот добрый свет, что согревал ее трудную старость. Трудную не только для окружающих, а, конечно же, для нее самой, потому что старость всегда тягостна прежде всего для самих стариков, но людям это становится понятным только тогда, когда они сами начинают ощущать ее приближение. Конечно, в бабушкином отношении к близким была немалая доля деспотизма. Но деспотизм деспотизму рознь, здесь он оправдывался в какой-то степени ее старостью, болезнями. В общем-то все мы с годами начинаем ворчать и проявлять недовольство всем миром и собою. Но не каждому из нас дано в молодости не только понять, но и примириться с этим.

Много нужно мудрости и доброты для того, чтобы как моя знакомая, создать вокруг «трудного» пожилого человека такую обстановку, которая согревала бы не только его самого, но и делала бы мягче, лучше, добрее, внимательнее к людям всех членов этой семьи. Как бы ни сложилась судьба детей, выросших в этом доме, невозможно представить себе их равнодушными к слабым, эгоистами, неуживчивыми, невыдержанными. Школа доброты, пройденная в родном доме, на много лет вперед определила не только их отношение к окружающим, но и их критерий ценности человека, как я в этом впоследствии убедилась.

Совсем недавно я снова попала в этот дом и была свидетелем любопытного разговора. У дочери, молодой девушки, был приятель, с которым она дружила со школьных лет. И я зашла к ним в тот день, когда он сделал ей предложение, и присутствовала при семейном обсуждении, так сказать, этого вопроса. Судя по всему, родителям жених нравился больше, чем невесте, потому что она сказала, что ответа окончательно не дала, но собирается отказать, а мама с папой все допытывались почему, ведь столько лет дружили, и парень он хороший: добрый, спокойный, и т. д. и т. п. Дочь больше отмалчивалась, но когда прозвучало «добрый», она подняла глаза, посмотрела внимательно на мать и сказала: «Не такой он добрый, как тебе кажется. Вчера мальчишки его снежками закидали, так он поймал одного и так надрал ему уши, что они горели. А когда в прошлом году его мама, стирая пыль с его стола, перевернула чернила на какую-то тетрадь, так он, не стесняясь меня, так крикнул на нее, что она аж за сердце схватилась». И этот аргумент положил конец разговору. «Ладно, Галина, тебе виднее, давайте чай пить», — сказал отец. Да, в этой семье дети прошли настоящую школу доброты. Но вот беда: чаще мы видим в жизни совсем другое. И далеко не всем бабушкам так везет, конечно. Причем это «другое» начинается обычно так незаметно, зародыш жестокости бывает таким микроскопическим, что его подчас очень трудно разглядеть. И примечательно, что его развитию способствуют частенько сами бабушки. «Ну побей, побей бабушку, — говорит с умилением старая женщина трехлетнему крепышу. — Ух, какой ты у нас сильный-пресильный, смотри, как бабушке больно!» И такими невинными забавами внушается ребенку мысль, что причинять боль другому забавно и что в этом твоя сила, которой окружающие восхищаются.

Но дело, конечно, не только в бабушках. О них мы говорили прежде всего потому, что неуважительное отношение именно к бабушке бывает характерно для многих семей и с детства развращает нашу молодежь. Казалось, если родители хотят, чтобы их ребенок вырос добрым, внимательным, чутким, то это должно воспитываться в семье прежде всего на его отношении к бабушке, к старому и чаще всего уже не очень здоровому человеку, заботами которой к тому же во многих семьях держится весь дом: и уберет бабушка, и сготовит, и внука встретит из школы — накормит, пуговицу ему оторванную пришьет. Но нет, не часто мы встречаем уважительное, благодарное отношение к ней, которое она, конечно же, заслужила неусыпными своими хлопотами, вырастившая в трудных, как всегда, материнских заботах детей и теперь взвалившая на себя добровольно новую ношу — внуков. Отчего это так бывает? Почему именно бабушки часто бывают объектом раздражения, раздражения почти что беспри-

чинного и вызванного даже не ими, а совершенно посторонними причинами: нашей усталостью, какими-то неполадками на работе или в школе у детей и, случается, неосознанным желанием «сорвать» на ком-нибудь накопившее за день. И этим безобидным «кем-нибудь» оказывается мать, теща, свекровь, заслуг и труда которой мы не замечаем, как не замечаем воздуха, без которого нельзя жить, и никак не желаем прощать ей никаких слабостей, которые спокойно прощаем (проследите за собой!) и посторонним, и себе. Почему так? Наверное, потому, что в нас самих мало и плохо воспитывали с детства ту обязательную для настоящего человека черту, что носит название благодарность. Когда дочери Маркса спросили у своей матери, какой человеческий недостаток внушает ей наибольшее отвращение, она ответила: «Неблагодарность. Недаром ее называют черной». А ведь благодарность — это деталь доброты, составная часть доброго чувства.

Но дело, повторяем, не только в бабушках. Эгоизм как антипод доброты воспитывается частенько родителями в процессе самых невинных, на первый взгляд, замечаний, увещеваний, реплик, обращенных к ребенку. В «Книге для родителей» Макаренко описывает такую сцену:

«Жора смотрит с презрением на чашку молока. Жора сыт. Но мать говорит Жоре:

— Кошка хочет съесть молоко. Кошка смотрит на молоко. Нет! Кошке не дадим! Жора скушает молоко! Пошла вон, кошка!

Слова матери похожи на правду. Кошка, действительно, смотрит, кошка на самом деле не прочь позавтракать. Жора смотрит на кошку подозрительно. И природа-мать торжествует: Жора не может допустить, чтобы молоко ела кошка. С таких пустяков начинается эгоист! И дальше: «Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности».

Справедливости ради надо сказать и о таких нечестных, правда, случаях, когда доброта и чуткость воспитываются... жестокостью. Деспотичный самодур-отец, постоянно расточающий угрозы и прибегающий к порке, может внушить ребенку стойкую ненависть к любому насилию над телом и душой другого человека и невольно сформировать в нем мягкое и уважительное отношение к людям. Но чаще, конечно, в таких семьях вырастают ожесточенные или просто слабые духом, робкие, привыкшие к унижению, без чувства собственного достоинства люди. А иногда случается, для «внедрения» доброты требуются довольно жесткие и суровые меры.

Это было в первые послевоенные годы. Ребята-подростки смеялись в школе над хромой уборщицей. Об этом узнал классный руководитель. И его урок в этот день начался с того, что он сказал ребятам: «Встаньте те, у кого отцы и

братья погибли на фронте... Так. А теперь встаньте те, чьи родные были ранены и их спасли, вытащили с поля боя наши женщины — санитарки, медсестры». И когда в полном молчании поднялось полкласса, учитель обратился к тем, кто обидел нянечку: «Вот кого вы оскорбили. Тетя Шура была санитаркой на фронте и после ранения осталась инвалидом. Стыдитесь!» Никогда никто, ни словом, ни взглядом не задел больше тетю Шуру. Наоборот, то, что узнал 5-й «А», быстро облетело всю школу, и ребята с большим уважением, приветливо и тепло относились к ней.

Выражаясь языком педагогической науки, здесь, так же как и в случае с Колючкой, был использован применяемый неоднократно в практике Макаренко так называемый метод взрыва. Он заключается в том, что вместо постепенных, продолжительных во времени влияний на психологию ребенка действуют одним, но острым, сильным ударом, взрывающим все его существующие до этого представления и отношения. В недавно изданных Ленинградским педагогическим институтом лекциях по педагогике очень точно охарактеризована специфика этого метода, применяющегося в тех случаях, когда у воспитанника имеются самые убийственные, по выражению Макаренко, комплексы привычек: «Суть его заключается в том, чтобы принципиально по-новому осветить в сознании ребенка сложившиеся отношения, дать ему увидеть себя во всей неприглядности и остро почувствовать и пережить невозможность такого положения в дальнейшем. «Взрыв» — это особый способ заставить личность пережить потребность изменить свои отношения к окружающим, это способ вызвать у личности потребность жить по-новому, заставить ее внутренне принять категорические требования общества...» И обязательными, говорится далее, особенностями метода взрыва являются, внезапность воздействия, которая как бы застигает школьника врасплох; сильное эмоциональное впечатление, вызывающее острое переживание.

Но, как мы знаем, гораздо легче предупредить порок — в данном случае бессердечие, черствость, жестокость, чем потом лечить его. И так же хорошо известно, что воспитание доброты состоит не только и не столько из фундаментальных, в несколько лошадиных сил мер воздействия, как в выше приведенных примерах, сколько в повседневных, иногда мало заметных, как мы говорили, влияниях, получаемых ребенком и подростком из окружающего мира и прежде всего в семье. И пусть ваш совсем еще маленький сын знает, например, что лакомством надо обязательно поделиться со всеми: с мамой, с папой, со старшей сестрой. И хорошо, если он понимает, что его паровоз из стульев должен сделать длительную остановку и перестать гроыхать и гудеть не потому, что кто-то может рассердиться за это, а потому что сестра делает уроки

и ей нельзя мешать, или папа прилег после работы — пусть отдохнет спокойно. А когда папа встанет, они вместе будут сочинять письмо бабушке: скоро 8 Марта, а потом пойдут на улицу и папа подымет Вовку высоко-высоко, чтобы он мог достать до почтового ящика и опустить в него письмо. А бабушка получит письмо, прочитает и обрадуется: не забыли ее сын и внучек.

Недавно один симпатичный товарищ девяти лет от роду рассказывал: «Мама и папа в институте работают, и иногда папа раньше уходит, иногда мама, если у нее лекции утром начинаются. И у нас так бывает: если мама первая уезжает, папа вокруг нее бегает, завтрак разогревает и туфли ей чистит, а если папа — все получается наоборот. Только когда папа за мамой ухаживает, мама всегда отдает распоряжения, что и как надо делать, а когда папа торопится, он ничего не говорит, потому что мама сама все знает». А однажды, с удовольствием сообщил Миша, когда мама чистила на лестнице папины туфли, вышла соседка и вздохнула так громко, что Миша услышал через приоткрытую дверь и выскочил посмотреть, кто там так тяжело дышит. «Вы меня простите, Людмила Александровна, но, честное слово, вы меня удивляете: культурный человек, доцент... Неужели муж не может сам туфли почистить?» А мама улыбнулась и сказала: «Почему не может? Может. Только у нас такой порядок: я его туфли чищу, а он мои, так уж как-то получается». Мишке очень понравилось, как мама ответила тете Ане, и он тотчас полетел и передал все папе. Папа тоже засмеялся и вдруг строго спросил: «А ты, ты кому чистишь?» Миша не успел сообразить, что надо ответить, чтобы не попасть впросак, как папа заявил: «Все. С завтрашнего дня будешь чистить нам обоим».

Я представила себе эту семью, где никто никому ничего не «должен», а люди просто любят друг друга и потому, не задумываясь, постоянно в чем-то помогают один другому, а наблюдательный малыш легко, радостно и незаметно для себя усваивает эту такую нужную истину: «Хорошо, когда все друзья и все заботятся друг о друге».

Очень важно также учить ребенка сочувствию не только в том смысле, чтобы он умел помочь окружающим в трудную минуту, в беде, в горе, но и воспитать в нем способность разделить с человеком его радость. Интересно, что людей, которые могут посочувствовать горю другого, поплакать вместе с ним, гораздо больше, чем тех, кто умеет по-настоящему радоваться успехам, счастьем того же человека. Очевидно, последнее доступно только очень доброжелательным, а не просто добрым людям, у которых чужая радость не рождает ни зависти, ни грустных мыслей, что вот у тебя этой радости нет. Думается, это тоже какая-то высшая ступень доброты —

умение воспринять радость другого — не так, чтобы прийти на свадьбу или разделить пол-литра на троих, а чтобы ощутить душевный подъем друга, почувствовать удовлетворение от его счастья, самому ощутить радость от того, что хорошо человеку.

Но почему человек так устроен, что больше всего бросаются ему в глаза теневые стороны жизни, а радостное, хорошее, доброе мы часто не замечаем, а раз не замечаем, значит, и не раскрываем перед ребятней прелесть доброго начала в нашей повседневности? Ведь очень многое в представлении ребят об окружающей жизни зависит от того, как мы, взрослые, сами реагируем на разнообразные явления нашей действительности, как воспринимаем их. И вот самый простой пример.

Рано-рано утром, когда многие еще спят, скребет дворник тротуар, очищая его от снега. «Безобразие какое, — ворчит женщина, хлопоча у плиты (надо успеть ребятам горячий завтрак приготовить перед школой). — В шесть утра людей будят, совести у них нет. Целый день ничего не делают, как будто нельзя потом соскрести». Это ворчание слушает проснувшийся сын-школьник. Сегодня слушает это, завтра еще что-нибудь в этом роде и постепенно усваивает — никакой заботы о людях нет, никто не хочет думать о других, каждый только о себе беспокоится. А ведь можно (и нужно бы!) этого скребущего спозаранку улицы дворника воспринять совсем по-другому. Тротуар очищают от льда и снега так рано для того, чтобы те, кто утром торопится на работу, не поскользнулись и не упали. Сам дворник не прочь бы поспать подольше, да нельзя: в семь часов столичные улицы уже полны людей, среди них и пожилые, и мамы с малышами на руках, спешащие в ясли. Не подготовишь для всего этого люда хорошую дорогу — беды не оберешься. И сын, слыша это, тоже по-другому, по-хорошему учился бы смотреть на жизнь.

Как-то накануне Восьмого марта я оказалась в метро рядом со старушкой, везущей несколько больших поставленных друг на друга тортов, связанных вместе тонкой веревочкой. Как только старушка с тортами появилась в вагоне, окружающие оторвались от книг, газет и от всяких разных своих мыслей и воззрились на бабуся. Наше пристальное внимание объяснялось не только количеством и размером тортов, но и до отказа набитой сеткой в другой руке бабушки. Обуреваемые черной завистью, мы бесстыдно уставились на нежные крохотные корнишоны в огромной банке и несметное количество той самой снеди вроде сайры, лососины и болгарского перца, которую беспрерывно требуется умереть, но достать к празднику и которая обладает особенностью исчезать с полок гастрономов именно в праздничные дни.

Бабуся удобно расположилась на освобожденном для нее

месте и моментально задремала, охватив рукой возвышающиеся, как крепость, торты на ее коленях. Ехали мы в первом вагоне, именуемом для детей и инвалидов, и вокруг было полно пап и мам с ребятами всех возрастов.

«Умаялась бабуся», — хохотнул в воротник молодой папаша с ребенком на руках и «Физикой» Соколова под мышкой, как только старушка прикорнула. А одна из мам сказала: «Надо же, старая и тоже туда». «Небось весь день стояла, про все свои болезни забыла», — подхватила другая. «А может, она не по своей воле, — возразила моя соседка, пожилая женщина с девочкой лет десяти. — Молодые работают, а ее послали, делать, мол, все равно тебе нечего. Знаете, какая теперь молодежь, нет чтобы дать отдохнуть матери, чуть что — мама, подай, мама, достань». Во время этого разговора, перешедшего на рельсы древней темы отцов и детей, рука старушки, охватившая торты, ослабела, и все сооружение начало медленно сползать вниз. Еще секунда — и торты были бы на полу. Все дружно охнуло, бросились спасать добро и с той же заинтересованностью начали обсуждать вопрос, как сложить покупки, чтобы старушка не растеряла их по дороге. Молодой папаша, временно сдав соседке младенца и «Физику», приступил к упаковке, но уже меньше чем через минуту был вынужден выхватить то и другое и выскочить из вагона на своей станции. Его сменила пожилая женщина с девочкой, но и она не успела довести дело до конца, а поскольку на следующей остановке надо было выходить самой старушке, то, чтобы помочь ей, подхватив торты, вышел один из пап с сыном. И пока поезд тронулся, мы смотрели в окно, как оба они, отец и сын, хлопотали, увязывая и укладывая все, а старушка, сияя, не переставала благодарить их.

А в вагоне продолжался разговор. «Видно, делать нечего людям, вот и суетятся, — сказала одна из женщин, молчавшая до сих пор и наблюдавшая за оживленной возней с тортами с насмешкой и неприязнью. — Мы вот за одним тортом час в очереди простояли, а эта вон сколько понахватала, так еще беспокоятся, как бы она один не потеряла». — «А, может, у нее семья большая, — возразил кто-то. — Знаем мы таких, семья... Спекулянты проклятые...» — «Да как же можно спекулировать тортами-то?» Но женщина только махнула рукой и двинулась к выходу. За ней следом потянулся мальчик. А я подумала: сколько разных чувств, мыслей, сколько оттенков человеческих характеров прошло сейчас перед нами. Интерес, настороженность, зависть, любопытство, какая-то доля неприязни к старушке — вначале. Дружное сочувствие — потом. И финал: два мальчика, один там, на платформе, хлопочущий около старушки; другой здесь, в вагоне, рядом с насмешливо наблюдающей за этой сценой матерью,

получивший сейчас сразу два урока: сначала хорошего человеческого участия, потом — недоверия, неприязни, жесточенности. Какой оказался сильнее? На чьей стороне подросток? Трудно сказать... Но хотя я совсем не знаю, хорошая или плохая эта старушка и для чего ей нужно столько тортов и как ей удалось, действительно, набрать столько дефицитной под праздник снеди — словом, хотя мне все это совершенно невдомек, я твердо убеждена: в тысячу раз был больше прав отец мальчика, застрявший в метро в этот суетливый день, наполненный для него, конечно, как и для всех других, массой всяких дел, застрявший, чтобы вместе с сыном помочь старому человеку.

Доброе или жестокое, отзывчивое или равнодушное, чуткое или бестактное отношение к человеку формируется, разумеется, и в школе, и в детском саду. И здесь тоже ребенок получает и уроки доброты, и уроки жесточения. И главную роль тут играет, нам кажется, наше собственное, воспитательское, доброе или недоброе отношение к ребятам. «Боровой! — кричит воспитательница в детском саду, — родители пришли, сдавай машину и ступай». А Боровому четвертый год, и машина, естественно, — заводной автомобиль... Наверное, не у одной матери екает сердце, когда она слышит это, отдающее ледяным холодом, обращение к ее малышу.

А вот случай формального отношения к учебной работе школьников, к оценке их домашних заданий, отношения, отнюдь не формирующего добрые чувства. Известно, что ребята частенько забывают дома тетради. Конечно, надо приучать детей к ответственности и исполнительности и бороться с этим злом, но случай случаю рознь. Одно дело, когда мы сталкиваемся с небрежностью и безответственным отношением к занятиям, другое — когда имеет место случайность, в которой иногда и не виноват ученик, а у учителя железный закон: за оставленную дома тетрадь — единица. Учась в школе, я сама попала в девятом классе к одному учителю. Это был очень хороший, между прочим, математик, пожилой уже человек, высокий, стройный, с совершенно белыми, закрученными усами, очень аккуратный, подтянутый и спокойный. Звали его Николай Николаевич Лескевич. У нас, учеников, отношение к нему было двойственное. Все мы уважали его за блестящее знание предмета, любили его неизменную легкую иронию в обращении с нами, но никак не могли примириться с педантичной его строгостью, переходившей очень часто в придирчивость. Вот он-то и ввел это не знающее исключений правило: забыл дома тетрадь — единица, причем единица самая полноценная, т. е. такая, которая наравне с другими оценками повлечет за собой четвертную отметку. Каждый из нас ужасно боялся забыть дома тетрадь по математике, потому что никакие причины, считавшиеся у других учителей

уважительными, Николаем Николаевичем во внимание не принимались. В ответ на все наши доводы и клятвы принести завтра тетрадь, мы слышали неизменно: «Вот завтра я вам и поставлю другую отметку, а сегодня единица».

Продолжалось это до тех пор, пока не произошло такое событие. Загорелся соседний со школой дом, в котором жила одна из наших учениц. Случилось это среди бела дня, весной, через распахнутые школьные окна проник в классы запах гари и звуки сирены, так что вся школа сразу узнала о пожаре. Огонь быстро потушили, но часть вещей жильцов сгорела, в том числе и тетрадь Аллы Ветровой. На следующий день перед уроком математики класс разделился на две неравные половины, из которых бóльшая доказывала, что Николай Николаевич поставит Алле единицу, а другая утверждала, что нет, не подымеется у него на этот раз рука. Как только математик вошел в класс, Алла встала и сказала: «Николай Николаевич, у меня нет тетради». «Ну что ж, очень плохо, Ветрова, садитесь», — сказал Николай Николаевич и обмакнул перо в чернильницу-невыливайку. Мы затаили дыхание. «Так вы знаете...» — начала Алла. «Я ничего не знаю и знать...» — «Знаете, Николай Николаевич, — хором выдохнули те, что клялись — нет не поставит, — честное слово, знаете...». Николай Николаевич поднял глаза. «Это что еще за вещь?»

— Так она ж из тридцать девятого, у них пожар был!

— Почему вы думаете, Чистов, что меня интересуют стихийные бедствия? — невозмутимо спросил математик. Но в ту же секунду мы впервые увидели, как остановилась поднятая над журналом рука. Очевидно, Николая Николаевича насторожила гробовая тишина.

— Ах, пожар... Да, это, конечно...

Это было сигналом, класс разразился дружным смехом. Николай Николаевич сначала оглянулся в растерянности, что было совсем на него непохоже, и мы возликовали еще больше, потом улыбнулся и сказал:

— Ладно, по случаю стихийного бедствия единица отменяется, но смотрите мне...

— Чтоб больше пожаров не было, — пискнул кто-то с последних рядов. Тут Николай Николаевич не выдержал и рассмеялся вместе с нами. И, представьте, единицы с тех пор стал ставить с осторожностью. А мы никак не могли забыть об этом случае. Только соберется он покарать кого-нибудь за забытую тетрадь, обязательно кто-нибудь вставит коварно: «А, может, у него пожар был».

Но это в старших классах. Здесь у ребят уже довольно много жизненного и, в частности, школьного опыта, гораздо меньше наивной веры в непогрешимость личности педагога, и потому даже несправедливая оценка не производит такого

удручающего впечатления, как это бывает у малышей, очень глубоко переживающих подчас неумолимый педантизм учительницы, орудующей единицами и двойками, как дубинками за то, что замечтался на уроке и прослушал вопрос; за то, что залез в тетради на поля; за то, что, рассказывая «своими словами», пофантазировал и добавил что-то очень интересное и нужное, как ему кажется; за то, что записал слово из пяти букв с тремя ошибками, потому что не понял его смысла.

Недавно жаловалась одна мать, что ее десятилетний сын частенько приносит домой двойки по чтению и по другим предметам. Хорошо зная ее сынишку, я очень удивилась. Это необычайно любознательное существо. Читает он очень много, всегда и всюду, когда только может улучшить минуту для этого — в метро, в парикмахерской, на остановке трамвая, и любит рассказывать то, что ему больше всего понравилось. «Скоро он перескажет всю детскую энциклопедию», — сказал как-то мне его отец. Седьмой том энциклопедии «Из истории человеческого общества», постоянно прописанный у Саши на столе, давно потерял свой свежий первозданный вид, потускнела ярко-желтая обложка, на страницах следы арбузного сока, чернил и еще бог знает чего. И двойка по чтению.

— Саша, за что ты получил двойку по чтению?

— А я не следил.

— За чем не следил?

— Как другие читали, не следил.

— Почему же ты не следил?

— А они очень скучно читали.

— Ну а по арифметике?

— А я вместо «10 столов» написал «10 с.» и неправильно решил примеры.

— Как неправильно? — вмешивается мать. — Я ведь проверяла.

— И ты неправильно решала: когда в столбик складываем, черточку надо писать на одну клеточку ниже...

А как часто не учитывается в начальных классах, что иному малышу, не подготовленному к школе, надо иногда полдня просидеть над уроками, чтобы получить четверку. И никак он, бедный, не может потом понять, почему же ему только четыре, а его соседу по парте и по дому, который все эти полдня прогулял, за те же палочки в тетради поставили пять, хотя он их за полчаса написал. Ребенок уверен: кто больше занимается, тот должен получить лучшую отметку. Он не в состоянии еще понять и принять, что результаты труда могут не соответствовать трудовым усилиям. И сердится, негодует маленький человек на школу и начинает относиться к ней не как к доброму другу, а настороженно, недоверчиво и ожесточается постепенно против тех, кто учит его.

А ведь есть классы и целые школы, где первые два года

учения ребяташкам вообще не ставят плохих отметок за ошибки и помарки, так как считают, что не вина это их, а беда: просто их не подготовили, как остальных, к школе. И даже не отчитывают за это. Выговаривают за другое — за нерадивость, нежелание стараться или за отказ помочь товарищу. И ребенок чувствует справедливость и доброту такого отношения, и учиться ему приятнее, и все вокруг кажутся хорошими, доброжелательными.

Впрочем, кто сказал, что этот способ стимулирования старательности годится только для малышей? Мы много знаем о Макаренко-воспитателе и очень мало — о нем как об учителе. А учитель он был особенный. Вот один штрих из его преподавательской деятельности. В школу коммуны имени Дзержинского, которой руководил Макаренко, поступила новая ученица Лена Пихоцкая. Ей было очень трудно: по возрасту она должна была уже быть в средней школе, а знания ее едва соответствовали программе начальных классов. В особенности тяжело давался ей русский язык. Но была она очень старательна, выполняла много дополнительных заданий, что давал ей Антон Семенович, который преподавал в то время русский язык и литературу в средних и старших классах. Сохранился интересный документ — тетрадь Лены Пихоцкой с работами, правленными рукой Макаренко. Удивительная это тетрадь. Настоящая поэма об учителе, о его непреклонной требовательности и бесконечной доброте, о серьезной озабоченности и мягком юморе, о сердечности и внимании, о бесценном умении найти тот единственный, незаменимый никаким другим подход к человеку, пробуждающий и утверждающий в нем веру в свои силы, достоинство. Но об этом вы догадываетесь потом. А сначала, раскрыв тетрадь, вы вообще... ничего не понимаете: четыре за работу с очень большим количеством ошибок, пять за сочинение, к которому учитель сделал... 32 замечания. Но очень скоро все становится ясно. Четверкой оценена работа, в которой еще очень много ошибок, но гораздо меньше, чем в предыдущей. Хорошей отметкой оценивается не столько результат работы, сколько затраченные усилия, вложенный в это труд. Это окрыляет Лену, она становится еще более настойчивой, еще лучше и целеустремленней работает, тем более, что, одобряя ее усилия, Антон Семенович конкретно указывает ей, над чем еще надо посидеть. И понятно дальше, почему за работу с семью ошибками поставлено пять: совсем недавно в задании такой же трудности девочка делала четырнадцать ошибок. Под пятеркой подпись: «Закрепи пять». И после пятерки неожиданно как будто тройка. Но Лена уже понимает, что это самая большая победа — первая тройка без всяких скидок.

А сколько труда, внимания и теплоты в комментариях и

пометках Макаренко к каждому сочинению! И сколько в то же время умения вызвать девочку на размышления, научить ее не механически исправлять ошибки, а делать это сознательно, сравнивая, анализируя, мысля самостоятельно. «Здесь нужна запятая, — пишет Антон Семенович, — почему?»... «Пройдя несколько шагов стоит дом», — читает он в другом сочинении и комментирует: «Дом не может пройти. Подумай, как сказать иначе, и напиши». И через страницу — добрая улыбка: «Ни в против» — это по-никаковски. Лучше сказать просто против».

Кроме наказаний-отметок, во многих школах чрезмерно увлекаются всякими другими мерами осуждения и принуждения. Не проходит урока, чтобы от кого-то не потребовали дневник для записи замечания, кому-то не пригрозили вызовом родителей, чтобы кого-то не выдворили из класса.

В учебниках педагогики наказание правильно классифицируется как один из многих и отнюдь не главный метод воспитания. В школе же его иногда делают главной и чуть ли не единственной мерой воздействия. С этим, в какой-то мере, связано и то, что часто малолюдны родительские собрания — приходят только те, кто не ожидает услышать ничего плохого о своих детях. Ведь как обычно проходят у нас эти собрания? Центральная, главная их часть — это когда учитель берет в руки классный журнал и, называя фамилию каждого ученика, дает ему характеристику. Хорошая характеристика — маме приятно, плохая — маме неловко, стыдно сидящих рядом, она готова сейчас сквозь землю провалиться. И закипает в ней раздражение, гнев против сына, обрекающего ее на такой позор, а раздражение, как известно, плохой советчик. И если даже решится она потом, не на людях, поговорить с учителем, слушать она его будет с глухой, затаенной в душе обидой. Ну и дома обрушит она сгоряча на сына эту накопившуюся за вечер боль, не задумываясь уже над тем, не превышает ли наказание вины подростка, и то ли она делает, что надо, и так ли надо. И поселяется в душе парня неприязнь к учителю, наговорившему о нем матери, и ощущение недоумения или несправедливости, обиды или гнева — к родителям.

Между прочим, такая форма проведения родительских собраний иногда самым пагубным образом отражается и на взаимоотношениях детей. В течение нескольких лет нам пришлось наблюдать за жизнью одного классного коллектива. Однажды там произошел такой случай. На родительском собрании учительница, человек молодой и эмоциональный, сказала, характеризуя одного из учеников: «Голышев — на редкость воспитанный мальчик, ну просто очарование». На следующий день ребята не давали Голышеву проходу. Реплика вызвала недоброе, настороженное отношение ребят и к Голышеву, и к учительнице, отозвалась насмешками над мальчи-

ком, ярлыком «любимчик» и стойким прозвищем «очарование», которое держалось за ним до самого окончания школы.

А ведь можно все организовать иначе. Нам приходилось бывать на собраниях, где явка родителей была стопроцентной. В классе в этот день устраивали выставку детских работ: лучших сочинений, самых аккуратных тетрадей, интересных рисунков, разнообразных поделок. И не было почти ни одного ученика, письменной работы которого или красивой полочки, или собственного стихотворения не было бы здесь. И разговор учителя с родителями представлял собой как бы путеводитель по выставке ребячьих работ, и характеристика каждого начиналась с того, что в нем есть хорошего, нужного и ему и людям. И потому замечания учителя о недостатках учеников, которые следовали потом, и требования в связи с этим к родителям не выглядели как сплошная жалоба на сына, воспринимались всегда доброжелательно и с большим вниманием. И родители даже самых трудных учеников никогда не уходили с собрания обескураженными и вконец расстроенными, что у сына все плохо, в то время как есть же такие счастливые матери, у детей которых все прекрасно. «К человеку всегда надо подходить с оптимистической гипотезой, даже с риском ошибиться» — мы не знаем, были ли эти слова Макаренко известны учительнице, начинавшей родительское собрание с обзора детских работ, помнила ли она их, но что умела она найти, разбудить в каждом своем ученике что-то хорошее и показать это родителям, было ясно каждому, кто хоть раз присутствовал на родительском собрании в ее классе. И в такой атмосфере особое одобрение отдельных, заслуживающих поощрения учеников никогда не задевало самолюбия других родителей, не вызывало настороженного и недоброжелательного отношения ребят к таким ученикам, а, наоборот, служило достойным подражания примером.

Вообще удивительно, что такой добрый и очень эффективный метод воспитания, как поощрение, почти совершенно исключен из арсенала педагогических средств во многих школах. Наказание — кара за отрицательные поступки и поведение, всегда вызывающее определенную моральную травму, заслонило собой другие методы и прежде всего поощрение. А ведь поощрение — антипод наказания и в противоположность наказанию не кара за преступление, а, скорее профилактика его. Давно известно: замеченное и одобренное другими хорошее начало в человеке заставляет его стремиться быть еще лучше, следовательно, удерживает от плохого. Ибо человек, увидевший благодаря вам хорошее в себе, поверивший после вашего одобрения в свои силы — наполовину «ваш», и вам несравненно легче уберечь его теперь, удерживать от всяких нежелательных проявлений.

А сколько нервов, здоровья, хорошего настроения сохра-

няет эта «замена» наказания поощрением и у учеников и у их наставников! И сколько бодрых чувств рождает такое отношение в сердцах наших ребят, хотя далеко не всегда они, эти чувства, бывают заметны, чаще всего наоборот, ребята скрывают их. К сожалению, и в семье практика постоянных наказаний гораздо более распространенное явление, чем воспитание поощрениями. А ведь разнообразных видов поощрения может быть очень много в семье: простая похвала, одобрение какого-то поступка, предложение пойти или поехать вместе туда, где давно мечтает побывать дочь — к знакомым ли, с дочерью которых дружит ваша девочка, на праздник ли русской зимы в парк или в какой-нибудь музей. Поощрить можно ребенка также, одобрив его поступок в кругу авторитетных для него людей и т. п.

Но здесь, пожалуй, еще раз стоит сказать о том большом вреде, который приносят делу воспитания поощрения деньгами и в особенности денежное вознаграждение за хорошее поведение: это воспитывает лицемеров, формирует безразличность, толкает на имитацию добрых чувств, на разыгрывание хорошего поведения и примерных поступков во имя того, чтобы, попросту говоря, заработать. Правда, факты, когда изобретательные родители додумываются до такого оригинального метода воздействия, довольно редки, но все же встречаются. И в таких случаях, между прочим, явное несоответствие цели воспитания (вырастить хорошего человека), методу, при помощи которого эта цель достигается — (подкуп), вызывает комедийные ситуации. Вот одна из них.

Вернувшись домой из школы, где все учителя хором жаловались ему на скверное поведение сына, предприимчивый папа, не мудрствуя лукаво, заявил своему одиннадцатилетнему отпрыску, что с нынешнего дня будет платить ему по 20 копеек за каждый примерный поступок и высчитывать столько же за дурной. Не прошло и двух дней, как сын потребовал означенную сумму. «А что ты сделал, сынок?» — «Я помог бабушке перейти через дорогу, видишь, какой гололед, она так благодарила, так благодарила». — «Ну что ж, это, действительно, хороший поступок», — согласился с удовлетворением папа, вынимая кошелек. О возможности такого легкого заработка Петька не преминул похвастаться перед друзьями. Новость потрясла их, наполнила черной завистью их души и заставила лихорадочно работать их изобретательность. И к вечеру того же дня перед ошеломленным папашей предстало полдюжины мальчишек их двора во главе с Петькой, категорически потребовавшим, чтобы каждому из них было уплачено по 20 копеек.

— Но что вы такое совершили?

— Как что? Мы все помогали одному старенькому дедушке перейти через дорогу.

— Но зачем для одного деда столько народа? Достаточно было одного из вас.

— Да, тебе хорошо говорить, — возмущенно возразил Петька, — ты бы видел, как он вырывался!

В стиле жизни макаренковцев была одна черта, формировавшая в них чувство ответственности и заботы за судьбу товарищей, воспитывающая чуткость и доброту. Каждый младший коммунар был «корешком» кого-то из старших, который постоянно опекал его и считался ответственным за его учебу, работу, поведение. И за провинность малыша спрашивалось не только с него самого, а обязательно также и с его старшего товарища. Первый вопрос при обсуждении всяких событий, связанных с этим, был: «А чей он корешок?»

В хороших наших школах есть немало других добрых традиций, воспитывающих в детях и привязанность к коллективу, любовь к школе, и доброту, отзывчивость, внимание к людям, заботу о них. На Украине в Павлышской средней школе, где директором учений-педагог, заслуженный учитель школы В. А. Сухомлинский, воспитание доброты, чуткости, внимания к людям является неотъемлемой, органической частью всей учебной работы с детьми, точнее — всего общения с ними педагогов. Без этого вообще невозможно представить себе деятельность Павлышской школы. Вот пришли впервые в школу малыши. Будущие шефы, старшеклассники, обязательно встретят каждого из них каким-то подарком — книгой, гроздью винограда. «Родители торжественно отмечают день рождения ребенка, преподносят ему подарки. Но всегда ли помнит ребенок день рождения родителей? — пишет В. А. Сухомлинский. — Далеко не всегда. Запишите день рождения матери, бабушки, отца, дедушки, — говорим мы детям. Принесите им в этот день радость». И малыши в теплицах и пионерских уголках выращивают цветы, готовят рисунки... У нас стало традицией: дело чести для мальчика и юноши взять на себя добровольно часть работы девочек в тех случаях, когда эта работа несет им лишнюю нагрузку. Соблюдение этой традиции зависит от всего стиля, уклада школьной жизни, в частности, от того, как относятся учителя-мужчины к труду учителей-женщин.

Если возникает необходимость выполнять какой-нибудь общественно полезный труд в субботу или в воскресенье, мы всегда освобождаем от этой работы женщин. Отдых женщины-учительницы неприкосновенен. Это очень хороший пример для молодого поколения».

Все это имеет значение не только для формирования добрых чувств, убеждений, привычек, но и играет важную роль в воспитании здоровых, дружеских, уважительных, правильных отношений между мальчиками и девочками, юношами и девушками. В последнее время у нас много пишут о том, что

основы будущей хорошей семьи должны закладываться в детстве, что мальчиков следует приучать с уважением и заботой относиться к девочкам, а у девочек сызмальства воспитывать понятие о женском достоинстве и девичьей гордости. Но на практике в наших школах, как правило, мало обращающего внимания на воспитание дружеских, теплых, здоровых отношений между мальчиками и девочками, а то, что делается в этом направлении, не всегда правильно и грамотно в педагогическом смысле. Пример тому — одна из плохих школьных традиций — шумиха, которая поднимается в школах накануне 8 Марта и 23 февраля в связи с обменом подарками между мальчиками и девочками. Всем понятно: подарок — проявление внимания, дружелюбия, доброты. Но часто бывает так: в коллективе нет ни дружбы, ни даже товарищества, ни чувства локтя; девочки, мальчики могут быть совершенно равнодушны к горю и к радости, к успехам и неудачам друг друга и не интересуются жизнью одноклассника за стенами школы, но приближается 8 Марта или 23 февраля, и начинается ажиотаж. В особенности старательны бывают девочки: начинается шушуканье, секреты, пересчитываются пятаки и гривенники (в старших классах их заменяют полтинники и рубли), происходит оптовая закупка каких-то сувениров и сувенирчиков, флакончиков, куколок, всевозможных никому не нужных безделушек и открыток. И эти два замечательных праздника нашего народа проходят в школе под флагом массового и всеобщего обмена подношениями. Дружбы и взаимного уважения таким образом не воспитаешь, но зато в этой суматохе забывается, смазывается великое идейное значение обоих праздников, и их воспитательное воздействие остается за границей восприятия учащихся. Забывается как-то, что Восьмое марта — это праздник, прославляющий духовную красоту и силу воспетой поэтами всех времен и народов Женщины. Женщины-матери в первую очередь. Женщины-солдата. Женщины любимой и любящей, умеющей как никто ждать, верить, надеяться, побеждать смерть. Женщины-учительницы, той учительницы, образ которой ученики ее проносят через всю жизнь. Женщины, которая стала опорой и надеждой всей страны, когда ей пришлось заменить ушедшего на защиту Родины мужа, сына, брата, отца, той, что «рубила, возила, копала — да разве же все перечтешь? А в письмах на фронт уверяла, что будто отлично живешь». Женщины, о которой Максим Горький писал: «Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери». Доносим ли мы до ребят этот смысл празднования Восьмого марта? Чаще всего, нет. И потому, что не очень умеем это делать, и потому, что недооцениваем огромную воспитывающую роль женского праздника и, конечно, потому, что его настоящее значение подменяется суетой вокруг подарков пятиклассницам с косичками,

А 23 февраля? Ведь это по сути прежде всего день великой памяти погибших героев и нашей бесконечной благодарности тем из бывших солдат, которые и ныне живут среди нас. День нашей гордости советским воином, его отвагой, благородством. И именно таким этот день должен быть в глазах наших детей. При чем же здесь суматоха с подарками мальчикам в 3-м «А» и 3-м «Б» классах? Да разве это, в конце концов, мальчишечий праздник? И разве нельзя научить доставлять радость товарищу, подруге и даже отмечать эту радость по-другому? Ведь для многих наших ребят, в особенности, малышей, 8 Марта, например, становится просто «подарочным днем», так выразилась одна наша маленькая знакомая, отвечая на вопрос, почему празднуют Восьмое марта: «Потому что это подарочный день, когда все мальчики должны делать подарки девочкам, иначе их накажет учительница».

В 8-м классе одной из спецшкол три раза в год отмечается день рождения всех ребят, родившихся в последующие четыре месяца. Тоже с подарками и с поздравлениями, с веселыми пожеланиями, с чаем и пирожными, с выпуском экстренного бюллетеня «За здоровье новорожденных», с конкурсом подарков, где жюри — «новорожденные» — не ведают до окончания конкурса, кому из них какой подарок предназначен и кем он преподносится. Причем, по неписанному железному закону, преимущество отдается подаркам, сделанным своими руками. Мне пришлось присутствовать на одном из таких торжеств. Это был настоящий праздник дружбы, сердечности, веселья, изобретательности...

IX. Доброта и культура поведения

Часто в педагогической литературе можно встретить описание следующего явления: такой-то мальчик считался в школе хорошим членом коллектива, добрым товарищем, но когда ребята пошли в поход, вдруг оказалось, что он законченный эгоист, так как не поделился с товарищем завтраком, а, уединившись, съел его сам. Тут же обычно делается вывод о пользе походов для распознавания индивидуальных особенностей детей и о необходимости усиленного воспитания коллективизма. Вполне удовлетворенные собственной проницательностью, авторы подобных рассуждений фактически не делают и попытки установить, откуда же такое противоречие между поведением в школе и в походе, чем же действительно вызван этот неэтичный поступок мальчика. А это надо бы сделать уже хотя бы потому, что

в школе он по-прежнему хороший товарищ, готовый при первой необходимости прийти на помощь другому. Хотя нельзя отрицать того, что среди причин подобного поведения может быть и жадность, и эгоизм, мы думаем все же, что чаще всего подлинные мотивы таких поступков детей остаются за пределами наблюдений тех, кто описывает эти факты, ибо очень часто свидетельствуют они не об эгоизме, жадности и антиобщественных наклонностях, а о том, что у Пети, Вали или Лены нет навыков поведения в коллективе, в особенности в таких вот не совсем обычных, непривычных для них ситуациях. Они часто просто стесняются предложить товарищам свой завтрак, аккуратно завернутый мамой в салфетку, не знают, как это сделать, побаиваются даже, быть может, насмешек. Ими владеет неуверенность в себе, в том, что они поступают «как надо». И одно из доказательств тому — те же нетронутые завтраки, вернувшиеся вместе с ребятами из походов домой: одному есть неловко, а предложить товарищам постеснялся. И из-за неумения вести себя в обществе робость и стеснительность подростков оборачиваются в глазах окружающих жадностью и индивидуализмом.

А вот знакомая многим картина из семейной жизни. Семья усаживается за стол пить чай. Вдруг звонок. Входят гости. Радостные восклицания, рукопожатия, гости приглашаются к столу. Вдруг Вася, тринадцатилетний сын хозяйки, неожиданно поднимается из-за стола и, оставив недопитым чай со своим любимым вареньем, что-то буркнув, идет в соседнюю комнату. «Куда же ты?» — окликает мать. «Уроки», — бросает сын. «Да ведь ты сказал, что все сделал», — удивляются родители. Вася заливается краской и, с трудом выдавив: «Мне еще русский осталось», спасается, наконец, за дверью спальни. «И что это на него накатило?» — говорит мать, не зная, как загладить неловкость сына.

Васиным родителям невдомек, что сын стесняется мало-знакомых людей, не умея вести себя с ними. Причем эта стеснительность появилась совсем недавно: года два назад Вася любил гостей и был очень общителен. «Трудный возраст» подростка труден прежде всего для него самого: повышенная чувствительность, болезненное самолюбие часто становятся причиной нелюдимости, стремления к уединению, замкнутости. А это, в свою очередь, мешает совершать ребятам те поступки, которые они бы совершили, если бы не смущение, робость. Вот как венгерская писательница Магда Сабо описывает в своей книге «Скажите Жофике» внутренний мир подростка — школьницы Жофи: «С тех пор как Жофи помнит себя, она всегда боялась спрашивать что-нибудь у взрослых, а тем более — просить их о чем-нибудь. В магазине, например, она до тех пор переминалась с ноги на ногу, пропуская вперед покупателя, пока продавец сам не обращался к ней. И в прошлом

году, когда они со школой выезжали за город, она опоздала на линейку вовсе не потому, что была недисциплинированной. Просто у колонки стояли двое семиклассников. Один из них зажал кран рукой, а Жофи нужно было набрать воды в фляжку. Вот она и стояла, дожидаясь, пока они сами уйдут. Но мальчики все не уходили. Поэтому и цветы, которые она собрала, завяли, и юбка совсем промокла. А ей записали в дневник, будто она недисциплинированная».

И еще один штришок. «Марта вспомнила один случай. Жофия Надь была дежурной по классу и не принесла мел. Хидаш записал ей тогда в дневнике, что она недобросовестно выполняла обязанности дежурного. А Жофи просто боялась (т. е. стеснялась) зайти в учительскую и долго стояла перед закрытой дверью, почесывая носком своего ботинка левую ногу».

Неумение вести себя со взрослыми является, очевидно, одной из причин того, что подростки предпочитают большую часть свободного времени проводить в обществе сверстников. Эта черта присуща как мальчикам, так и девочкам.

До какой степени доходит иногда стеснительность подростков, мешающая их нормальному общению с людьми, свидетельствует такой факт. Один наш приятель рассказывал, что, будучи в этом возрасте, он всегда почти с ужасом думал, что при встрече со знакомыми взрослыми нужно здороваться, и при приближении их отворачивался. Получалось это обычно так неловко, что производило впечатление нарочитой грубости. Люди недоумевали, обижались, жаловались родителям, те отчитывали его, но это мало помогало: мальчишка ничего не мог поделать с собой. Доходило до того, что, увидя вдали идущего навстречу знакомого, он или заходил в парадное ближайшего дома и переждал, пока тот пройдет мимо, или сворачивал в ближайший переулок и шел кружным путем. А сколько сил и времени отдал этот подросток борьбе со своей «глупой» привычкой мгновенно краснеть при разговоре с малознакомым человеком. Добрые, хорошие дела! Как тянулся он к ним и как трудно было ему совершать их из-за своей стеснительности.

Как же бороться с застенчивостью подростка, с его неумением просто и доброжелательно относиться к окружающим, нормально здороваться, спокойно вести разговор? Очевидно, родители должны сознательно, целеустремленно формировать у детей привычку, умение вести себя в обществе. Я с детства люблю бывать в одной семье. Мне нравится тон, стиль этой семьи. Та веселая, какая-то умная атмосфера отношений между людьми, которую вы ощущаете, как только переступаете порог дома. И это не потому, что в семье все хорошо, благополучно; мать семейства больна и несколько лет почти не встает с постели.

Атмосферой бодрой шутки, как бы промывающей и обезболивающей душевные раны, легко лечатся здесь подростковые болезни — замкнутость, угрюмость, застенчивость. Люда — угловатый подросток, тоже пока еще застенчива, но она уже вовлечена в веселую игру и уже умеет отпустить несложную остроту, прикрывающую и обезвреживающую собственное смущение. А взрослые — мастера шутки — подбрасывают ей материал, всячески поддерживая ее и облегчая ей эту задачу.

— Люда сейчас даст нам свое любимое печенье, — объявляет выход своей внучки глава семьи.

— Все печенье съел вчера сам дед, — легко парирует Люда, ибо вчера было уже много разговоров об этом злосчастном печенье. Шутливый ответ внучки, собственно, был хорошо подготовлен, больше того, дед просто «поддался», спровоцировал эту ее шутку, но у Люды крепнет уверенность в себе. Она уже не чувствует себя маленькой и глупой. К тому же у нее дело — принести посуду, разлить чай — так называемое «физическое действие», которое К. С. Станиславский ввел для актеров, чтобы они чувствовали себя на сцене «как дома».

Это знакомое физическое действие также помогает Люде скрыть смущение, подросток справляется с собой. Но и гость тоже начинает в этой обстановке по-новому, гораздо спокойней воспринимать свои собственные горести, неприятности, которые еще час назад не давали нормально работать и жить. Они начинают казаться пустяками, о которых не стоит думать и с которыми следует разделаться хорошей шуткой.

В других семьях этот процесс борьбы с застенчивостью, робостью, угрюмостью подростка может идти своим путем, но важно этот путь искать, стараться облегчить тяготение подростка к добрым делам, дать ему почувствовать себя сильным, способным одарить окружающих спокойной приветливостью.

К сожалению, у нас до самого последнего времени очень мало обращалось внимания на воспитание культуры отношений между людьми. И, может быть, даже не мешает поэтому вспомнить кое-что из того, что в свое время, до революции, пропагандировалось сборниками правил хорошего тона. Думается, не напрасно не только в аристократических, но и в интеллигентных хороших семьях так много внимания уделялось раньше воспитанию у детей умения вести себя. Конечно, среди этих пятидесятилетней давности рекомендаций много такого, что справедливо воспринимается нами как манерность, ненужные условности и т. п. Но есть советы, к которым очень стоит прислушаться, например: «Тон хорошего разговора должен быть плавным и естественным, но никак не педантичным и игровым; можно быть ученым, но не педантом, веселым —

не производя шума, без утрировки; забавным — без плоских и пошлых двусмысленностей... Нужно выражать свое мнение и поддерживать в немногих словах. Никогда не надо с горячностью и нетерпением нападать на чужой взгляд, надо стараться лишь о том, чтобы выяснить вопрос и затем необходимо остановиться и не продолжать словопрепятельство... Не отказываясь, если тебя просят спеть или сыграть, если ты можешь это сделать... Не шепчи в компании... Не говори о людях, не известных собеседнику... Не прерывай разговор другого... Не смотри на часы, находясь в гостях или на свидании».

Интересно, что в таких сборниках о хороших манерах встречается специальный раздел — «О застенчивости в обществе». В нем есть здравые советы, как бороться с этим недостатком, например: застенчивые люди должны внушить себе, что они вовсе не так неловки и глупы, как им кажется, что смущение, которое их приводит в ужас, другим почти незаметно, и т. д.

Но не только застенчивость, робость, неуверенность в себе мешают добрым, естественным отношениям между людьми. С этим, пожалуй, даже легче бороться, чем с неоправданной мелочностью, раздражительностью, вспыльчивостью. Резкая эмоциональная девочка жестоко обидела лучшую подругу, сказала ей в порыве гнева оскорбительные слова. Она сама понимает свою несправедливость, мучается из-за этого, но не умеет просто, спокойно и тепло поговорить с подругой. Ее никто не упражнял в этом, ей труден этот тон, почти не доступен. Для того чтобы добиться гибкости тела, человек должен долго упражняться; часами, в течение нескольких лет, работать на спортивных снарядах. Чтобы добиться «гибкости» душевной, усилий требуется гораздо больше: ведь речь идет о «предмете» гораздо более сложном. Умение сдерживать свои чувства, заставляя себя быть вежливым и ровным, пряча в душе раздражение или невольную обиду, — это умение непростое, но очень необходимое в общении с людьми. И воспитывать это качество надо с детства, ибо когда человек годами привыкает давать волю вспышкам своих чувств, не задумываясь над тем, оправданы ли они и какую подчас тяжелую атмосферу они создают; когда много лет такие чувства, как обида, гнев, раздражение, «работают без тормозов», взрослому человеку уже очень трудно бывает заставить себя сдерживаться, даже если он понимает вздорность и вред этого и страдает больше всех.

...Зимнее утро. На дворе мороз, еще темно. Но семья уже поднялась. Открыли форточку, сделали зарядку. Мать хлопчет на кухне. Отец с сыном убирают постели. Довольные в общем собой, своим хорошо организованным утром, готовятся к новому трудовому дню, наполненному, как обычно, массой разнообразных, подчас сложных дел, требующих бод-

рого настроения, прочного запаса душевного равновесия и здоровья, подобного запаса угля и воды, который делает в порту корабль перед тем, как отправиться в плавание. И вдруг все летит к чертям. Отец берет для подписи дневник сына (сегодня понедельник) и обнаруживает, что за неделю тот получил две двойки. Неприятно удивленный, он резким тоном зовет сына, требует объяснений. Испуганный неожиданным окриком, мальчик, довольно нервный и впечатлительный подросток, объясняет, что одна двойка — за отсутствие рисунка, который разорвал его сосед по парте, другая — за то, что дома было выполнено не то задание. Но эти смягчающие обстоятельства не доходят до разгневанного родителя, который не может сдерживать раздражения, потому что вообще не привык сдерживать своих чувств. Отец сердится, кричит и, наконец, отправляет сына, в школу за две минуты до звонка. А после его ухода, придя в себя от раздражения, понимая, что нанес сыну душевную травму, мучится весь день угрызениями совести...

Вспомним ленинскую непримиримость к несдержанности и оскорбительному тону в отношениях между людьми. Показательно в этом смысле письмо Владимира Ильича к Л. К. Мартенсу, ученому и государственному деятелю нашей страны, старому члену партии:

«...т. Мартенс!

Получив Ваше письмо к Литвинову, выражаю крайнее сожаление и возмущение. Как должностное лицо, я бы по меньшей мере объявил Вам строгий выговор с внесением его в Вашу труд. книжку. Литвинов сделал нехорошо, употребив злобно — полемическое выражение о «друзьях Мартенса». Это нехорошо. Но тут еще нет оскорбления. А Вы ответили неслыханным оскорблением: «сознательное искажение истины» и т. д. Пересылаю это свое письмо вместе с вашей копией в ЦКК. С к. пр. Ленин.

Р. С. Вы должны были спокойно, без оскорблений, ответить Литвинову.

Х. Человек не воспитывается по частям

Есть у Макаренко в «Книге для родителей» одна грустная повесть. Мы о ней уже упоминали. Повесть о том, как у хороших, интеллигентных родителей сын вырос законченным эгоистом. Он не пошел на похороны товарища, отказался принести лекарство тяжело больному отцу, никогда у него не находилось приветливого слова для родителей, он не замечал, что имеет несколько ко-

стюмов, а отец один, поношенный. Но этого мало. Моральная болезнь единственного сына, талантливой юноши оказалась еще более «разносторонней». Незаметно, механически, как говорится, Виктор выбыл из комсомола, не отказывая себе в разного рода сомнительных удовольствиях, надолго отлучаясь из дома. Частенько от него пахло чужими духами. В чем же дело? Почему так случилось? Ведь родители — культурные, хорошие, добрые люди. Но может быть слепа была их любовь? И поэтому сын рос эгоистом? А откуда тогда страсти его к подобному образу жизни? Влияние товарищей? Компании? Но у него никогда не было близких друзей. Откуда же? «Беда никогда не приходит одна», — говорят в народе. Если зародилось в ребенке что-то плохое — эгоизм, лень, ложь — эти черты, даже когда они еще незаметны и неосязаемы окружающими, невидимо тянут за собой всякий другой мусор. Так, эгоизм открывает двери индивидуализму, откуда недалеко до бездельности, и в то же время делает человека бессердечным, безжалостным, воспитывает жестокость. Лень, стремление уклониться от работы, рождает попытки лгать, хитрить, подросток теряет чувство собственного достоинства, привыкает к нечестным поступкам. И родителям, которые невольно способствовали развитию эгоизма или тщеславия, уже трудно бороться с другими отрицательными качествами.

Но, с другой стороны, сформированные уже положительные черты человека становятся благодатной почвой для воспитания других положительных качеств. И как это ни кажется странным на первый взгляд, тысячами нитей, подчас незаметных, невидимых, связаны между собой доброта и идейность, честность и трудолюбие, скромность и достоинство. И посвящая нашу книжку в основном доброте человеческой, ее истокам и законам ее воспитания, мы никак не можем обойти вопрос о тесной, неразрывной связи ее с остальными нравственными качествами, а также с формированием других сторон человека коммунистического общества — с его мировоззрением и становлением его эстетических идеалов, наклонностей, оценок.

В 1906 году на заседании Екатеринбургского медицинского общества было оглашено письмо фабричного врача Иханова, покончившего с собой, который писал: он убедился, что врач не может предотвратить гибель населения в шахтах. Газета «Врач» в связи с этим опубликовала статистические данные о том, что во врачебной среде самоубийств в 15 раз больше, чем среди работников иных видов умственного труда. Что заставило Иханова и многих других врачей уйти из жизни? Кристальная честность — профессиональная и просто человеческая, потребовавшая от них прямо смотреть в глаза российской убогой и дикой действительности, где даже самоотверженный труд врача мало чем мог помочь задавленным

каторжной работой и нищетой людям? Или доброта? Глубокая жалость, горячее сочувствие к этим несчастным? Бесспорно, что и то и другое. Честность не позволила успокоиться мыслью, что кое-что все-таки делается, а неутоленное желание облегчить участь народа, понимание невозможности изменить его жизнь и условия труда в то тяжкое время привели к катастрофе. И мы можем сколько угодно говорить, что уход из жизни не метод борьбы со злом и что эти люди тысячу раз были неправы в своем отчаянии, но мы никак не можем отказать им в благородстве, честности, доброте.

Всем памятен, наверное, эпизод из кинофильма «Ленин в 1918 году», когда рабочий Василий, только что доставивший в столицу по заданию Ленина десятки тонн хлеба для голодающих, войдя в кабинет Ильича, теряет сознание от голода. И, конечно, здесь не только элементарная честность, тут и глубокое понимание своего долга человеком, которому доверено важнейшее в те годы для революции задание, и память о тысячах голодных детей. Так честность, доброта и идейность образуют тот идеальный сплав человеческого духа, о котором поэт оказал: «Гвозди б делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей».

И нам трудно представить себе человека, который был бы глубоко предан делу революции, отдавал все свои силы борьбе за лучшее будущее людей, за правду и справедливость, за торжество добра и радости — и чтоб он был в то же время недобрый, черствый, злым.

Настоящая доброта всегда рядом, нет, не рядом, а слита с подлинной идейностью, патриотизмом, интернационализмом. Нельзя, например, быть добрым и уважительным к отдельным людям и пренебрегать целым народом или с недоверием и антипатией относиться к какой-то национальности. Выше мы уже показали, что моральный облик человека формируется людьми и обстоятельствами и не связан с наследственностью. Станет человек хорошим или плохим, корыстолюбивым, например, или щедрым, честным или лицемером, зависит от того, в какой среде он живет и как воспитывается. И потому всякое заведомо отрицательное отношение к какому-нибудь народу или нации есть отношение неправильное, несправедливое, предвзятое, недоброе, являющееся прежде всего нравственным пороком, и свидетельствующее, разумеется, об определенной идейной и культурной ущербности человека.

Таким образом, мы видим, что добрые чувства имеют непосредственное отношение к мировоззрению человека. Прогрессивное мировоззрение помогает их формированию, реакционное — наоборот. Тут нам, правда, могут возразить: а как же религия, религиозное мировоззрение — оно всегда было поборником доброты и сочувствия к людям, проповедовало незлобивость, трудолюбие? Побуждению некоторых верую-

щих, наша коммунистическая мораль в чем-то совсем не противоречит религиозной морали. Больше того, такие религиозные заповеди как «Не убий», «Возлюби ближнего своего, яко самого себя», «Трудись в поте лица своего», даже как будто вполне соответствуют нашим моральным требованиям?

Но в том-то и дело, что соответствие здесь чисто внешнее, в действительности между моралью религиозной и коммунистической нет ничего общего. Так, например, призыв «Не убий» направлен не столько на утверждение мира между людьми, сколько на подавление бунтарского духа, революционной силы, зреющей в народе против его угнетателей. И именно поэтому Владимир Ильич подчеркивал, что палач и поп выполняют в капиталистическом обществе одну и ту же функцию: палач карает за революционный протест, а поп уговаривает не бороться против угнетателей. Или заповедь «Возлюби ближнего своего». Не доброту и гуманность проповедует она, а всеобщее смирение и опять-таки покорность, в том числе и покорность эксплуатируемых, угнетенных перед эксплуататорами.

А вот что означает по религиозным канонам доброта: «Придите ко мне... обремененные, и я успокою вас», — говорится в Библии. Это «успокою» так же, как часто встречающиеся в религиозных книгах «утешу», очень характерно. Не помогу, не облегчу жизнь, а именно утешу. Коммунистическое мировоззрение требует от человека деятельного отношения к окружающей его жизни, к общественным явлениям. Наша мораль предполагает, прежде всего, не утешение человека в горе, то есть не отвлечение его от тяжелых мыслей, вызванных тяжелыми обстоятельствами, как обещает это ему религия, а активное вмешательство в его судьбу с целью изменения ее, действенную помощь ему, чего никогда благоразумные церковники не обещали и обещать не могли. И в этом главное отличие советского социалистического гуманизма от усыпляющих горькие мысли (а заодно и мятежный дух) религиозных утешений, от посул райского блаженства на том свете за страдания на этом. «...утешать раба есть занятие, выгодное для рабовладельца, — писал Ленин, — а настоящий сторожник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не утешает их».

От человека, который считается добрым, гуманным, мы всегда требуем не только чуткого мягкого отношения, ласковых, теплых слов утешения, но и доброй деятельности: «Добрый на словах» — это в нашем обществе звучит, как характеристика лицемера.

Второе, что отличает нашу доброту, нашу гуманность от религиозной смиренности и непротivления злу насилieм, — это ее разумность, т. е. понимание того, почему человеку надо быть добрым. Церковь же требует слепой веры в то, к чему

она призывает. Так, например, проповедуя всепрощение, тем не менее не только не прощала, но и жестоко карала во все времена вероотступников и атеистов, никак не объясняя этого противоречия. Кроме же слепой веры, лишь страх перед наказанием, надежда на вечное блаженство после смерти служат стимулами благочестивого поведения и терпимого отношения к людям, а отнюдь не чувства справедливости, симпатии, сочувствия.

Таким образом, доброта религиозная оказывается на поверку добротой куцей и весьма относительной. Относительными оказываются, между прочим, и другие нравственные требования, выдвинутые религией. Проповедуя, например, «труд в поте лица своего», сами священнослужители нисколько не отличаются и никогда не отличались трудолюбием, наоборот, праздная жизнь многих из них, лень, обжорство давно стали в народе предметом насмешек, темой сатирических сказок, анекдотов, поговорок.

И не случайно вы не прочтете в церковных книгах о том, что надо уметь разделить не только горе, но и радость другого, быть отзывчивым не только в беде, но и в счастье. Больше того, религиозной морали свойственно прививать людям психологию и чувства, направленные на то, чтобы приучить людей к страданию, научить их наслаждаться этим страданием, в противоположность коммунистической нравственности, цель которой — сделать жизнь людей радостной и счастливой. Отличие коммунистической морали от религиозной объясняется противоположностью коммунистического и религиозного мировоззрения. Религия рассматривает жизнь как временное пребывание людей на земле — юдоли скорби, данное человеку богом, как испытание перед вечной жизнью после смерти, причем от самого человека мало что зависит в изменении его существования, все предопределено заранее богом. Коммунистическое же мировоззрение, отрицая как наличие сверхъестественной силы, которая вершит судьбами и миром, так и существование загробной жизни, утверждает, что жизнь человека определяется не богом, а законами общества, в котором он живет. Причем сами люди тоже могут влиять на эти законы, борясь за переустройство общества и торжество такого строя, при котором они могут жить счастливо, уважать и любить друг друга, быть добрыми и гуманными, нести друг другу радость.

В каждом обществе — капиталистическом, феодальном, социалистическом — мораль членов этого общества связана с их мировоззрением.

Большое значение для формирования моральных оценок, выработки нравственных взглядов имеет образование, хотя нельзя не признать, что уровень образованности того или иного человека далеко не всегда соответствует его нравственному

уровню. Тем не менее знание законов общественной жизни, ознакомление с историческим опытом человечества в разных областях науки, культуры, искусства, умение активно мыслить, выделять в явлениях, подвергающихся нашему анализу, главное, существенное, способность сравнивать, обобщать, которая развивается в процессе овладения знаниями, — все это помогает нам правильно понять и оценить различные многообразные факты окружающей действительности, подвести под ту или иную моральную категорию поступок человека, установить причины нравственных аномалий в поведении людей. И не случайно поэтому Владимир Ильич неоднократно указывал на тесную связь между образованием и воспитанием коммунистической морали у подрастающего поколения. «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

Вопросы нравственности имеют непосредственное отношение и к науке, научному познанию мира. Невозможно, например, представить себе настоящего ученого, который не проявлял бы абсолютную объективность и честный подход к своим и чужим открытиям. Без этого не существует подлинной науки. Или другой пример. Когда умирал великий русский физиолог Иван Петрович Павлов, он пригласил своего ассистента, чтобы диктовать ему свои ощущения. До последней минуты ученым владела только одна мысль, одно стремление — отдать науке всю жизнь до последнего дыхания.

История медицины знает немало случаев, когда ученые — врачи с риском для жизни проверяли на себе изобретенные ими и еще не до конца опробированные лекарства, чтобы как можно точнее определить их воздействие на организм. Вышшим гуманизмом и подлинной добротой к людям были продиктованы эти героические опыты. Но история знает и другие примеры. Нельзя без содрогания вспомнить потрясающие по бесчеловечности и жестокости эксперименты на живых людях, которые творили в фашистских застенках нацистские «ученые» над заключенными.

Не менее тесно формирование нравственности связано с эстетическим воспитанием. Возьмем самый простой пример. В вагоне трамвая развалился на сиденье молодой парень, а неподалеку стоят пожилые люди. Этот человек некрасив сейчас и в прямом смысле этого слова, т. е. неэстетичен, и в переносном — нравственно. Недаром существуют выражения: красивые отношения, красивый поступок. А вот случай, описанный в одной из газет — факт, в котором определенно виноваты мы сами — педагоги и родители. На спектаклях в ТЮЗе ребята стреляют в актеров из рогатки. Дикость? Безусловно. Причем дикость, обусловленная и пробелами в воспитании морали, и отсутствием эстетического воспитания. И не послед-

нее место, конечно, здесь играет отрицательный пример воспитателей. Понаблюдайте во время детского спектакля за родителями в зрительном зале. Вот одна заботливая мама сует в рот сыну бутерброд, другая шуршит конфетной бумагой и с причмокиванием посасывает лимонные дольки, третья срывается, не дождавшись конца спектакля, чтоб бежать в раздевалку. А рядом дети. Дети, которые получают сейчас отвратительный урок и безнравственности, и антиэстетизма.

Итак, воспитание нравственности тесно связано и с мировоззрением человека, и с уровнем его образования и эстетического развития. Все наши ошибки в одной области педагогического производства неминуемо ударяют по другой. Но еще органичней сплетены между собой, как мы уже говорили, *различные черты нравственного облика человека.*

Доброта и скромность, доброта и честность, доброта и трудолюбие, доброта и интернационализм, доброта и мужество... Эти качества всегда вместе.

Виктор Николаевич Терский, заслуженный учитель РСФСР, соратник Макаренко, рассказывал: «Антон Семенович был необычайно чутким и добрым человеком, но в то же время и очень скромным, в частности в том смысле, что он никогда не подчеркивал этих своих качеств, наоборот, старался маскировать их, чтобы не ставить другого человека в неловкое положение, чтобы тот не чувствовал себя обязанным ему». Однажды весной, когда коммунары готовились сдавать экзамены в школе, Макаренко предложил Терскому, руководителю клубной работы в коммуне Дзержинского и заядлому рыболову, отправиться на несколько дней на рыбалку, чтобы ребята не отвлекались для клубных занятий и могли лучше подготовиться к экзаменам, как он ему объяснил. Вернувшись, Терский увидел, что подготовка к экзаменам еще не началась, и понял, что Макаренко просто решил дать ему отдохнуть. Но когда он стал благодарить за это Антона Семеновича, тот, выслушав его, сухо сказал, что Виктор Николаевич ошибается, необходимость его отъезда из коммуны диктовалась чисто деловыми соображениями. Истинная доброта не старается, чтоб ее заметили. Эта доброта бескорыстна. Доставить удовольствие и радость другому, а не удовольствия собственное тщеславие — смотрите, какой я хороший, добрый — вот ее цель. Макаренко учил своих воспитанников уступать место в трамвае не оглядываясь. И когда ученик за партой тянет руку, не давая отвечающему открыть рот, это надо пресекать, потому что такой поступок и нескромный, и недобрый — не товарищеский.

Наша повседневная жизнь, не говоря уже о героических военных годах, полна подвигами доброты и мужества. Несколько лет назад «Комсомольская правда» напечатала очерк об удивительном, может быть, единственном в истории пиро-

техники и медицины случае: хирургам пришлось разминировать... мальчика. В степи под Севастополем, где двадцать лет назад пронеслась война, мальчишки разыскивали патроны, куски заржавленного железа и бросали все это в костер. Вдруг одному обожгло ногу. Когда ребенка привезли в больницу и сделали рентген оказалось, что в ноге запал от немецкой гранаты. Оставить его в теле значило бы вызвать гангрену, а операция должна была быть чрезвычайно опасной для жизни и оперируемого, и оперирующих, так как при малейшем толчке, даже при простом прикосновении металла к запалу капсюль-детонатор мог сработать — произошел бы взрыв. Но никто из врачей и сестер не захотел уступить своего места у операционного стола... Операция прошла благополучно, участвовало в ней шесть человек: пять медицинских работников — врачи, сестры, шестым был пиротехник.

Доброта и мужество... Они всегда рядом. Не проходит месяца, чтобы хоть в одной из наших газет не сообщалось о подвигах советских людей, рискующих жизнью для спасения другого человека, чаще всего ребенка. Студентка Ивановского педагогического института Вера Игнатьева выносит из горящего дома четырехлетнюю испуганную малышку. Молодой строитель Алеша Калашников гибнет, задетый огромной трубой, от которой оттолкнул он зазевавшегося первоклассника. Комсомолец-целинник Николай Бондаренко последним усилием выбрасывает из полыни тонущего мальчишку, а сам уходит под лед. Так же героически, спасая детей, тонет в Амурском заливе молодой рабочий Евгений Стороженко. Выпускник Харьковского института Юрий Чигирин отталкивает в сторону от мчащегося состава растерявшихся женщин, а сам гибнет под колесами поезда. Только для того, чтобы перечислить имена и фамилии всех этих мало известных героев мирных дней, не хватило бы целой книги. И, кто знает, может быть, когда-нибудь такая книга и будет написана и останется в истории человечества памятником мужества и доброты. Рассказывайте об этом почаще детям. Учите их любить людей, защищать их, помогать слабому, заслонять собой маленького и растерявшегося. Это и есть человечность.

Итак, каждая, воспитанная в человеке положительная черта помогает формированию других хороших качеств, в то же время любая нравственная болезнь тянет за собой новую, вызывая ее укоренение в нравственном организме человека.

Но связь в формировании различных сторон человеческой личности еще глубже и разносторонней, чем мы до сих пор говорили об этом. Оказывается, она не ограничивается ни единством нравственных качеств, ни даже зависимостью между мировоззрением, эстетической воспитанностью и моральным обликом. Психологами, физиологами, педагогами у нас и за рубежом установлена последовательная взаимосвязь ме-

жду физическим и психическим развитием человека... Выяснено, например, что своевременное активное развитие речи самым положительным образом влияет на общее состояние здоровья ребенка, стимулирует его физическое развитие. И, наоборот, отрицательные влияния из области психической, в частности умственной деятельности, например перегрузка мозга ребенка учебным материалом, превышающим его интеллектуальные возможности, вызывает не только умственное утомление, но и сказывается на общем состоянии здоровья, на физическом развитии ребенка.

С этим поучительным явлением связана, между прочим, очень интересная и особенно характерная для современной эпохи проблема физического и умственного ускорения развития подрастающего поколения, так называемая акселерация развития. «Средний 5,5-летний ребенок нашего времени, — пишет профессор Б. Г. Ананьев, — имеет сейчас приблизительно такой же вес и рост, как семилетний в 1880 г. Отмечаются более ранние сроки прорезывания молочных и остальных зубов, окостенения скелета и ускорения моментов окончания роста»... Эти сдвиги, по мнению профессора Б. Г. Ананьева, объясняются в значительной степени общим улучшением материально-бытовых условий жизни людей, что связано, в свою очередь, с ростом и укреплением социалистического лагеря в мировой государственной системе и с постепенной ликвидацией колониального рабства, словом — с неотвратимым процессом демократизации человеческого общества, гарантирующей лучшее питание, жилище, медицинское обслуживание. Ну, а ускорение умственного развития? Откуда оно? Акселерация умственного развития объясняется, во-первых, более ранним физическим созреванием, т. к. оно включает в себя интенсификацию коры головного мозга, который является физиологической основой умственного развития человека. Другой фактор, обусловивший ускорение умственного развития — демократизация образования, означающая и больший охват детей школой, и повышение качества обучения. Раннее умственное развитие подрастающего поколения стимулируется также повышающимся все время уровнем цивилизации и отсюда — увеличением информации об окружающем мире, которую получает ребенок (широкое распространение радио, телевидения, кино, печати и т. д.).

И еще одно замечание о связи физического и духовного в человеке, его морального и физического здоровья. Сильному физически ребенку, умеющему защитить себя и другого, «отстоять доброту» легче, легче быть добрым, чем слабому, хилому. Кроме того, болезненные, слабые дети, удрученные своей немощью, чаще бывают замкнутыми, настороженными, иногда даже озлобленными — недобрыми.

Итак, мы видим, что существует тесная связь в формиро-

вании самых различных сторон человеческой личности. И потому, посвящая нашу книжку, в основном, воспитанию доброты человеческой, считаем нелишним остановиться на формировании такой важной и близкой к доброте черте ребенка, как честность.

XI. Ты зачем сказал неправду?

«Ты зачем сказал неправду? Что это ты врешь мне все время? И кто только научил тебя этому? — распекает мать восьмилетнего сына. Сын сопит и упрямо молчит. И что он может, в самом деле, ответить, если никто его вранью вроде бы и не учил и зачем он соврал матери про две пятерки по чтению, он и сам не знает. Просто ему вдруг стало обидно, почему у других есть пятерки, а он старается, старается, а учительница его, наверное, не любит, одни тройки ставит и не похвалит никогда, как других... Когда все плохо в представлении маленького человека, он начинает придумывать хорошее — так веселее и интереснее. Эта та же игра, но не в «дочки-матери», не в русских и фашистов, а в справедливого учителя и Колю-отличника. Введите эту игру в реальную жизнь ребенка, покажите, что он может, если только очень захочет, добиться этого «на самом деле», и ложь-фантазия исчезнет сама собой.

Так бывает и в 8, и в 12, и в 5 лет. Есть, конечно, и другие, менее невинные причины детской лжи. И если вы столкнулись с этим, то первым делом надо разобратся, что толкает малыша на обман. И в зависимости от этого действовать. В каждом отдельном случае по-разному, в соответствии с причинами лжи. Поэтому общие советы, как бороться с детской ложью, здесь не очень годятся. Для начала можно лишь сказать, что одного запрета — «не обманывай!» в таких случаях маловато.

Однажды сын моей соседки, одиннадцатилетний мальчик, сказал ей, что потерял деньги, которые она дала ему на футболку, необходимую для уроков физкультуры. На самом же деле он купил на эти деньги клюшку, которую спрятал у товарища. Отец мальчика был в это время болен и лежал в больнице. Собираясь навестить его, мать заметила: «Не забыть бы купить апельсины, папа давно просил, хотела прошлый раз отнести, да нехватило денег, последние отдала тебе на футболку, а ты их потерял». «Мама, — сказал сын, — а может, я еще найду их, я пойду поищу». «Ну что же, попробуй». Через полчаса сын вбежал в дом: «Нашел мам, вот деньги!» «Где же они были, сынок?» «А я их... у Женьки Сте-

панова забыл, а он мне отдал». Мать выглянула в окно — во дворе ошастливленный Женька гонял клюшкой шайбу — потом потрепала сына по плечу и сказала: «Ну молодчина, я так и подумала, что ты обязательно найдешь деньги». Когда через несколько дней отец вернулся домой, она затеяла за обедом разговор: «Надо бы Николаю клюшку купить. Я получила вчера деньги по твоему бюллетеню». Коля вспыхнул и уставился в тарелку: «Ну что ж, давай, какой же это конькобежец без клюшки! Купить тебе или сам сходишь?».

Не упрекать за ложь и нечестность, призывая к совести, а раскрыть сущность лжи во всей ее неприглядности, путем создания такой ситуации, которая сама по себе заставит ребенка понять аморальность его поведения и уберечься от подобных поступков в будущем. И при этом хорошо бывает показать, к каким неприятным последствиям ведет ложь. Например, Восемилетний Саша случайно разбил красивую кофейницу. На вопрос мамы, кто это сделал, он отрицательно покачал головой. Мать, догадываясь, кто виновник, сказала: «Ну, значит, это сделал Фомка (любимый котенок Саши), но ему не объяснишь, что с посудой надо обращаться осторожно, придется его побить немного около обломков кофейницы, чтобы он понял». «Не надо бить Фомку, он нечаянно, это мы с ним вместе играли и разбили!» — закричал Саша. «Ну значит, виноват ты, что затеваешь с глупым котенком такие игры. Никогда больше этого не делай».

В данном случае ребенок лжет из боязни наказания. Но разумному взрослому человеку должно быть ясно, что в такой ситуации наказывать не стоит, ибо наказание должно быть следствием намеренных отрицательных поступков, когда ребенок знает, что так делать нельзя и все-таки делает. А смахнуть на пол стоявшую у края стола кофейницу — с каким взрослым это, в конце-концов, не может случиться, не говоря уже о ребенке.

А вот другой пример, когда косвенным путем ребенка подводят к мысли, что лгать — нельзя, стыдно и некрасиво.

В детском саду велели принести по 20 копеек на кукольный театр. «Ты отдала деньги Анне Ивановне?» — спросила на следующий день мама пятилетнюю Нину. «А я их уронила и потеряла, ты дай мне еще». Заподозрив ложь, мать, порывшись в кошельке, сказала: «А ты знаешь, у меня, оказывается, нет больше денег, придется тебе спектакль пропустить. Ну ничего, в следующий раз посмотришь». Нина беспокойно заерзала на стуле, глаза ее наполнились подозрительной влагой. «Что ж, я одна смотреть не буду, все будут, а я нет?» — «Но все ведь не теряют деньги, а ты потеряла. Может быть, ты попробуешь найти?» — «Мамуся, а если я их найду, ты купишь мне конфетку «Мишка косолапый»? Марине вчера папа в садике дал, а мне так хотелось, так хотелось, а она говорит:

все равно не дам тебе, это мне папа купил в палатке, а не тебе». — «Хорошо, я куплю тебе, только завтра, когда у меня будут деньги, но ты обязательно постарайся найти 20 копеек». Явно подражая матери, Нина с озабоченным видом порылась в кармане фартука и, разжав потную ладошку, поднесла матери монету. «Смотри, нашла!» — «Ну вот, я так и знала, что ты найдешь. А теперь давай условимся: даже если тебе очень захочется что-нибудь купить, ты не будешь терять деньги, а скажешь мне или папе об этом, ладно?» — «Угу».

Иногда родители стараются бороться с ложью детей исключительно путем устранения возможности для лжи. Но такой метод кажется нам не только мало эффективным, но и просто непедagogичным, т. к. при этом у ребенка не вырабатывается сопротивляемость нечестным поступкам, а ведь рано или поздно он обязательно снова столкнется с условиями, которые могут натолкнуть его на ложь. Если бы Нинина мама пошла по такому пути, проще всего было бы самой, а не через дочь, передать деньги воспитательнице. В следующий раз Нина поступила бы, наверное, точно так же, но была бы более осторожной. И поэтому неверно поступают, например, те родители, которые запирают от детей сладости, заметив, что малыш стремится взять их тайком. Гораздо лучше, разъяснив ребенку, что только плохие нечестные люди стараются добыть что-то для себя, утаив это от других — подчеркнуть: «Но у нас дома таких нет, мы все верим друг другу и ничего не будем прятать, потому что без спросу у нас никто ничего не возьмет, правда, сынок?» Такие упражнения в выработке положительных черт характера очень полезны.

Итак, повторяем: неправильно бороться с ложью, так же, как и с другими недостатками, только устранением тех условий, которые могут натолкнуть на обман, ибо в этом всегда проявляется недоверие к ребенку, а нам нужно, чтобы ребенок чувствовал: родители уверены, что он может вести себя по-другому, если захочет. Но в то же время нельзя признать нормальным такое положение, когда сам стиль жизни семьи располагает к нечестным поступкам, когда, например, валяются где попало мелкие деньги, которые никто не считает, или когда вообще безалаберно расходуется бюджет семьи; когда дети не приучены возвращать сдачу с покупок и т. д.

Вообще же в отношениях между взрослыми членами семьи, так же как между взрослыми и детьми, должна быть атмосфера полного доверия, прямоты, искренности, исключающая даже возможность обмана в чем бы то ни было. Совершенно недопустимой является пусть даже мелкая, «невинная» ложь в отношениях между родителями, когда жена, например, скрывает от мужа какие-то расходы, или когда отец, отправляясь на футбол, звонит домой, что задерживается на работе. Рано или поздно все это или почти все становится из-

вестно детям, и они усваивают такой стиль взаимоотношений, совершая затем аналогичные поступки. Насколько быстро дети схватывают все это, видно хотя бы из их игр, где они стараются во всем подражать взрослым. Вот играют две семилетние девочки в «дочки-матери». Посмотрите, с каким серьезным видом «мать» говорит «дочери»: «Вот тебе шелковое платье, да смотри, чтоб отец не узнал, а то попадет нам обеим».

И даже в мелочах нельзя обманывать детей. Вот отправляют с детским садом на дачу малышку, ревущую в три ручья, и, не задумываясь, уверяют ее, что будут приезжать каждый день. Или настаивают, чтобы сын шел гулять, убеждая, что они «тоже не будут смотреть телевизор», а сын, вернувшись, застает всю семью у экрана.

А вот случай еще более явной и, конечно, абсолютно недопустимой лжи взрослых. Вы очень огорчены тем, что ваш двенадцатилетний сын, которому отдано столько сил, которого вы так старались вырастить честным, порядочным человеком, солгал вам. Но вы забыли, что воспитывают не только слова, доводы, аргументы, но, главное, поступки людей, которые живут рядом, и прежде всего ваши собственные поступки. И вот пример. Вы решили не брать сыну железнодорожный билет. Несмотря на то, что ему уже исполнилось пять лет, и по закону за его проезд надо было платить, вы храбро солгали проводнику, что «мальчику только через несколько месяцев пять», и страшно боялись, как бы сын не внес коррективы в ваше сообщение. А через пять лет, возвращаясь с десятилетним сыном, уже школьником, с курорта вы, покупая себе обратный билет, вдруг спохватились, что теперь Мише тоже надо брать не детский, а взрослый билет. Это было неприятное открытие: денег оставалось немного, а тут надо лишиться еще 15 рублей. И вы, колебавшись немного, снова решились пойти на маленький компромисс с совестью: сын небольшого роста, вряд ли будут проверять его возраст по документам. Но Мишу вы предупредили, чтобы он сказал, если спросят, что перешел не в четвертый, а в третий класс. Вы давно забыли обо всем этом, и вам тогда не пришло в голову, что вы, мать, сами толкнули сына на первую, может быть, сознательную ложь. И, надо полагать, такой обман был не единственным в вашем общении с мальчиком. Так чему же вы удивляетесь сейчас? Просто сын «выдает» вам полученное от вас же. Примеров подобного рода можно привести множество. Сегодня отец, вернувшись из магазина, прихвастнул, что «заработал» два рубля: кассирша ошиблась, отсчитывая ему сдачу. «Ничего, у них не убудет, больше воруют!» Завтра мать, жалуясь на головную боль, не идет на родительское собрание, а через час отправляется в кино.

Во время войны мне пришлось работать в Ташкенте на

крупном военном заводе, эвакуированном из европейской части Союза. Директор завода был известный в городе человек — депутат горсовета, член пленума горкома партии. И была у него дочурка лет пяти-шести, единственный ребенок, любимица отца. Привыкшая к умеренному климату, она тяжело переносила среднеазиатскую жару и вскоре заболела тропической малярией. Девочку положили в больницу. Семену Ивановичу (назовем его так) сразу предложили поместить Аленку в отдельную палату и разрешили остаться с ней матери. Отец выслушал внимательно доктора, сообщившего ему об этом, и спросил: «Значит, положение опасное?» — «Да нет, что вы, просто мы думаем, что так ей будет лучше». Директор вернулся на завод, позвонил в больницу, вызвал главного врача и сказал: «Говорит отец одной из ваших пациенток. Девочке пять лет. Тропическая малярия. Температура 38. Можно поместить ее в отдельную палату с матерью?» — «Тропическая малярия не считается у нас настолько опасным заболеванием, чтобы выделять для ребенка отдельную палату, да еще с матерью. Город перегружен эвакуированными, у нас дети лежат в коридоре». — «А много у вас ребят с этим заболеванием?» — «Человек 30—40». — «И все в общей палате?» — «Конечно». — «Благодарю вас».

Аленка осталась в общей палате. Работая на заводе, мы, студенты Среднеазиатского университета, дежурили еще время от времени, по поручению горкома комсомола, в больнице, заменяя нянечек и даже сестер: медперсонала не хватало, все забирал фронт. Там мы познакомились и с Аленкой, и с ее папой и мамой. С тех пор прошло больше двадцати лет, но для всех нас, кто знал Семена Ивановича, навсегда остался в памяти этот человек с его кристальной честностью, с неподкупной совестью настоящего коммуниста. И каждый раз, когда мне приходится говорить о том, как родители должны воспитывать честность у своих детей, перед моими глазами встают эти двое: больная слабенькая девочка и ее отец, честный, настоящий человек.

Атмосфера честности и правдивости в семье главное для формирования этих качеств в ребенке, но не надо, конечно, забывать и о других влияниях, которые не всегда бывают положительными: его товарищах в школе и во дворе, книг, кинокартин и т. д.

То, что в будущем ваш сын вступит в сложные, разнообразные отношения с людьми, которые потребуют от него твердости убеждений, сознательности в своих поступках, делает обязательным вашу активную работу по формированию честности у детей.

Приучая детей к правдивости, искренности, непримиримости к нечестным поступкам, следует помнить, что требования, которые мы предъявляем при этом к детям, не должны быть

слишком сложными, непосильными для них, т. е. не должны находиться в явном противоречии с уровнем их воспитанности. От человека, который, например, не раз уличался во лжи, нельзя сразу требовать, чтобы он не только не позволял себе этого, но и не проходил мимо нечестности.

В психологии существует такое выражение — «зона ближайшего развития ребенка», введенное в науку известным советским психологом Л. С. Выготским. В формировании личности ребенка, считал Выготский, педагог должен ориентироваться на те качества, что еще не созрели в нем, но для воспитания которых имеются уже все условия и становление которых уже, может быть, началось. Если же воспитатель переоценивает возможности ребенка, отрывается от реальной почвы, преждевременно забегает далеко вперед, человеку бывает не под силу выполнить его требования. На заре существования коммуны имени Горького Макаренко не мог, не считал возможным бороться с тем, что первая шестерка малолетних правонарушителей обшаривала погреба соседнего села. Эти ребята имели на своем счету по несколько судимостей, некоторые из них привлекались за бандитизм, к тому же в колонии жилось тогда не сытно. Но прошло время, и воровство стало считаться самым позорным делом в колонии.

Учитывая различный уровень воспитания честности, следует предъявлять на разных этапах формирования ее различные требования к детям, постепенно повышая и усложняя эти требования.

Сложными, неожиданными подчас путями идет становление доброты человеческой, изживание нечестности у ребенка. Самых разных путей и методов педагогического воздействия оно требует, пристального внимания учителей и родителей к каждому ребенку. Это объясняется тем, что нет в мире большего разнообразия, чем разнообразие человеческих личностей — ума, сердца, наклонностей людей. «Сколько ни изучай природу человеческую, — пишет английский писатель Сомерсет Моэм, — рано или поздно непременно натолкнешься на какую-нибудь неожиданность».

И именно потому педагогическое дело, как никакое другое, не терпит шаблона, стандарта, формального, бездумного следования спасительным рецептам и рекомендациям. Как хорошо сказал один писатель: каждый родитель — первооткрыватель своего ребенка. Но как для открывателя нового мира, кроме смелости и горячего желания открыть этот мир, обязательно нужен как минимум компас, так и для каждого воспитателя необходим тот минимум педагогических знаний, без которого вся его деятельность, весь его титанический труд мо-

тут быть обречены на провал. Часть этих знаний из области нравственного воспитания мы и предложили читателю, знаний о том, как воспитать доброго, хорошего человека.

«Я часто думал о том, что значит «быть добрым»? Мне кажется, добрый человек — это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует», — писал талантливый педагог, необыкновенный знаток детской души Януш Корчак. Как было бы хорошо, если бы все взрослые, рядом с которыми растут наши дети, всегда думали о том «что значит «быть добрым». Думали и старались сделать добрыми детей.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Такой ли он, действительно, уродился?	5
II. Что же главное?	13
III. Сентиментальность или необходимость?	18
IV. Для домашнего употребления	22
V. Маленькие «Человеки»	24
VI. Доброта и самоуважение	28
VII. Неделимость доброты	34
VIII. Школа доброты и уроки ожесточения.	42
IX. Доброта и культура поведения	59
X. Человек не воспитывается по частям	64
XI. Ты зачем сказал неправду?	73

ВЛАДА АБРАМОВНА КАСПИНА
НАУМ БОРИСОВИЧ БЕРХИН

ЧТОБЫ ВЫРОС ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК...

Редактор *О. Г. Свердлова*
 Художественный редактор *Т. И. Добровольнова*
 Технический редактор *А. С. Ковалевская*
 Корректор *Г. П. Ефименко*
 Обложка *М. Дорохова*

А 02187. Сдано в набор 11/V 1967 г. Подписано к печати 25/V 1967 г.
 Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 2,5.
 Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 4,80. Тираж 260 000, 2-й завод: 60 001—260 000.
 Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2712.
 Типография изд-ва «Знание» Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
 Цена 15 коп.

15 коп.

Индекс
70062

ИДЕТ ПОДПИСКА НА 1968 ГОД!

Серия
научно-
популярных
брошюр

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Индекс 70062

Книги и брошюры Педагогического факультета посвящены разработке важнейших проблем педагогики семейного воспитания.

В живой беллетристической форме, опираясь на конкретные жизненные факты, авторы беседуют с родителями о воспитании детей.

В 1968 году подписчики Педагогического факультета получат 12 номеров, среди них:

«Я» и «Мы». (Вопросы психологии формирования личности); Пархомовский Э. Я. Отец и сын; Леонидова Б. Л. От понедельника до субботы; Корчак Януш. Как любить детей; Альперович Ю. Как занять свободное время наших детей; Адамов А. Г. О приключенческой литературе; Исарова Л. Когда им шестнадцать; Ронина Г. С., Громова Т. Как это могло случиться.

Стоимость подписки на год — 1 руб. 80 коп.

В каталоге «Союзпечати» Педагогический факультет расположен в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание».

Издательство «Знание».